

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Владимирский государственный университет

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ РУСИ

В 2 частях

Часть 1

Составитель В.В. Гуляева

«В печать»:

Автор –

В.В. Гуляева

Зав. кафедрой –

Редактор –

Е.В. Невская

Корректор –

Е.В. Афанасьева

Начальник РИО –

Е.П. Викулова

Директор РИК –

Ю.К. Жулев

Владимир 2005

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

X91

Рецензенты

Доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой отечественной истории

Владимирского государственного педагогического университета

Г.П. Аннин

Кандидат исторических наук, доцент

Владимирского государственного университета

Н.В. Киприянова

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Владимирского государственного университета

Хрестоматия по истории Руси. В 2 ч. Ч. 1 / сост. В. В. Гуляева ;
X91 Владим. гос. ун-т. – Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2005. –
108 с. – ISBN 5-89368-609-8.

Опубликованы документы по истории России с древнейших времен до второй половины XIII в. Наряду с известными материалами по ключевым проблемам отечественной истории представлены источники, ранее не включавшиеся в документальные учебные пособия. Многие документы относятся к истории нашего края – Северо-Восточной Руси.

Предназначена для студентов, учащихся старших классов средней школы, абитуриентов, всех интересующихся отечественной историей.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 5-89368-609-8

© Владимирский государственный
университет, 2005

Содержание

Введение	5
ИСТОЧНИКИ О ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯНАХ	6
Прокопий Кесарийский о славянах и антах (VI в.).....	6
Маврикий Стратег о славянах и антах (конец VI в.)	7
Сведения о славянах и русах до X в. из восточных (арабских) источников	9
О купцах-русах (из сочинения арабского географа IX в. Ибн Хордадбега).....	9
О славянах и русах (из сочинения арабского географа начала X в. Ибн Руста)	10
О трех центрах Руси (из "Китаб ал-масалик вал-мамалик" арабского географа Ибн Хаукаля)	13
Сведения о племенах, населявших восточные славянские тер- ритории (из словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона).....	14
Поэтическое творчество восточных славян.....	15
РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ XI – XII вв.	17
Повесть временных лет.....	17
Русская Правда в краткой редакции	68
Пространная редакция Русской Правды (по Троицкому списку второй половины XV в.)	71
РУССКИЕ ЗЕМЛИ И КНЯЖЕСТВА В НАЧАЛЕ XII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII вв. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ	83
Княжеские усобицы, нашествия половцев	83
"Каждый держит отчину свою..." (1097 г.).....	85
Восстание в Новгороде (1136 – 1137 гг.).....	85
Первое известие о Москве (1147 г.).....	86
Слово о полку Игореве (конец XII в.)	87

Рассказ о преступлении рязанских князей (1218 г.)	96
Слово о погибели русской земли (30 – 40-е гг. XIII в.)	97
Сведения о великих и местных князьях XII – XIV вв. (из словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона)	98
Церковно-уставные грамоты удельных князей XII в.	98
Муромские князья	99
Михалко (Михаил Юрьевич).....	100
Ярополк III.....	101
Всеволод-Димитрий Юрьевич	102
Василько Юрьевич	103
Василий Всеволодович	104
Василий Андреевич	104
Василий Ярославич	104
О пагубных последствиях феодальной раздробленности и феодальных усобицах на Руси	104
О междоусобных войнах на Руси	105
Владимирское великое княжество.....	105
Берестяные грамоты.....	106

Введение

Предлагаемая хрестоматия, состоящая из двух частей, является, по существу, первой попыткой представить в одной книге документы, охватывающие все периоды отечественной истории с древнейших времен до второй половины XIII в. (1 часть) и с XIII до начала XVII вв. (часть 2). Главный принцип отбора источников состоял в том, чтобы опубликовать в первую очередь принципиально важные, хотя и известные материалы по ключевым проблемам истории Руси и вместе с тем неизвестные документы, которые дают возможность новых оценок тех или иных явлений.

В хрестоматию включены, в основном, материалы, отражающие развитие российской государственности, состояние и мировоззренческие понятия общества, особенности российского менталитета. Приведены источники, содержащие различные оценки современниками наиболее выдающихся личностей, действовавших в русской истории. Введен также широкий комплекс документов о месте Руси в мировом сообществе, ее связях с другими народами и роли в межгосударственных отношениях.

Сквозь призму этих документов освещаются как общие закономерности российской истории, так и ее особенности. В хрестоматии использованы различные виды источников: официально-актовые, законодательные, нормативно-директивные, делопроизводственные (создававшиеся в государственных учреждениях), информационно-публицистические, мемуарные, и др.

Большое внимание уделяется русским летописям. Летописи Киевской Руси представляют собой одно из наиболее примечательных явлений средневековья. В отличие от хроник большинства стран Европы, которые составлены на латыни, они написаны на родном языке.

В XVIII в. академик Г. Миллер, пораженный широтой летописной информации и уровнем ее систематизации, писал, что летописец Нестор и его последователи создали систему русской истории, которая настолько полна, что ни одна другая нация не может похвалиться таким сокровищем.

Традиция летописания сложилась в Киеве, но затем распространилась практически на все русские земли. Летописи писались в Новгороде, Переславле, Чернигове, на Волыни, в Галиче, Ростове, Суздале, Владимире на Клязьме, в других удельных центрах. Их авторами были монахи, игумены, представители княжеской администрации и даже князя. Практически все летописи в своей основе имеют общий киевский летописный свод, известный под названием «Повести временных лет» с его широким общерусским охватом исторических явлений и событий.

«Можно себе представить, – писал Н.И. Костомаров, – какое огромное количество летописей было у нас, если в каждом монастыре велась своя отдельная летопись».

Большим доверием исследователей пользуются Лаврентьевская, Ипатьевская и Радзивилловская летописи, в которых, как считается, летописание древнерусского времени сохранилось наиболее адекватно. Лаврентьевская летопись представлена единственным списком, изготовленным под руководством монаха Лаврентия в 1377 г. На древнерусском пространстве летопись состоит из «Повести временных лет», трудов Владимира Мономаха, а также хроники событий в Северо-Восточной Руси, что очень важно для изучения истории нашего края. Ограниченная определенным объемом, хрестоматия не претендует на освещение российской истории во всей ее полноте. Хрестоматия имеет учебно-познавательный характер. Наиболее эффективно она может быть использована параллельно с текстом учебников по истории России. Учитывая учебный характер хрестоматии, часть документов публикуется по предшествующим хрестоматиям, сборникам документов и другим изданиям.

ИСТОЧНИКИ О ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯНАХ

Прокопий Кесарийский о славянах и антах (VI в.)*

Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и

* Прокопий Кесарийский. Война с готами / пер. с греч. С.П. Кондратьева. – М., 1950. – С. 297 – 298.

несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им, при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства.

Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами. У тех и у других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста, огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный, но все они темно-красные. Образ жизни у них, как у массагетов, грубый без всяких удобств, вечно они покрыты грязью, но по существу они не плохие и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы. И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племена называли спорами ("рассеянными"), думаю, потому, что они жили, занимая страну "спорадек", "рассеянно", отдельными поселками. Поэтому-то им и земли надо занимать много. Они живут, занимая большую часть берега Истры, по ту сторону реки.

Маврикий Стратег о славянах и антах (конец VI в.)*

Славяне и анты сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе: их никоим образом нельзя склонить к рабству или

* Мишулин А.В. Древние славяне... // ВДИ. – 1941. – № 1. – С. 253 – 257.

подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково и, оказывая им знаки своего расположения, (при переходе их) из одного места в другое, охраняют их в случае надобности, так что если бы оказалось, что по нерадению того, кто принимает у себя иноземца, последний потерпел (какой-либо) ущерб, принимавший его раньше начинает войну (против виновного), считая долгом чести отомстить за чужеземца. Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая (срок рабства) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей?

У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы. Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считают смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь.

Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что и естественно, опасностей. Необходимые для них вещи они зарывают в тайниках, ничем лишним открыто не владеют и ведут жизнь бродячую.

Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются (засадами), внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью изобретая много (разнообразных) способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей. Мужественно выдерживают они пребывание в воде, так что часто некоторые из числа остающихся дома, будучи застигнутыми внезапным нападением, погружаются в пучину вод. При этом они держат во рту специально изготовленные большие, выдолбленные внутри камыши, достигающие до поверхности воды, а сами, лежа навзничь на дне (реки), дышат с помощью их; и это они могут проделывать в течение многих часов, так что совершенно нельзя догадаться об их (присутствии). А если случится, что камыши бывают видимы снаружи, неопытные люди считают их за растущие в воде, лица же, знакомые (с этой

уловкою) и распознающие камыш по его обрезу и (занимаемому им) положению, пронзают камышами глотки (лежащих) или вырывают камыши и тем самым заставляют (лежащих) вынырнуть из воды, так как они уже не в состоянии дальше оставаться в воде.

Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но труднопереносимые (с места на место). Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильнодействующим, если раненый не примет раньше противоядия или (не воспользуется) другими вспомогательными средствами, известными опытным врачам, или тотчас не обрежет кругом место ранения, чтобы яд не распространился по остальной части тела.

Не имея над собой главы и враждуя друг с другом, они не признают военного строя, не способны сражаться в правильной битве, показываться на открытых и ровных местах. Если и случится, что они отважились идти на бой, то они во время его с криком слегка продвигаются вперед все вместе, и если противники не выдержат их крика и дрогнут, то они сильно наступают; в противном случае обращаются в бегство, не спеша померяться с силами неприятелей в рукопашной схватке. Имея большую помощь в лесах, они направляются в них, так как среди теснин они умеют отлично сражаться. Часто несомую добычу они бросают (как бы) под влиянием замешательства и бегут в леса, а затем, когда наступающие бросаются на добычу, они без труда поднимаются и наносят неприятелю вред. Все это они мастера делать разнообразными придумываемыми ими способами с целью заманить противника.

Сведения о славянах и русах до X в. из восточных (арабских) источников*

О купцах-русах (из сочинения арабского географа IX в. Ибн Хордадбега)

<...> Что же касается до русских купцов – а они вид славян, – то они вывозят бобровый мех, мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных

* Новосельцев А.П. [и др.]. Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965. – С. 387 – 389, 397 – 398, 412.

(частей) страны славян к Румскому морю, а с них (купцов) десятину взимает царь Рума (Византии), и если они хотят, то они отправляются по Тисе, реке славян, и проезжают проливом столицы хазар Хамлых, и десятину с них взимает их (хазар) правитель. Затем они отправляются к Джурджанскому морю и высаживаются на любом его берегу. Диаметр этого моря 500 фарсангов, и иногда они привозят свои товары на верблюдах из Джурджана в Багдад, где переводчиками для них служат славянские рабы. Выдают они себя за христиан и платят джизию.

*О славянах и русах (из сочинения арабского географа начала X в.
Ибн Руста)*

<...> И между странами печенегов и славян расстояние в 10 дней пути. В самом начале пределов славянских находится город, называемый Ва.т (Ва.ит). Путь в эту сторону идет по степям (пустыням?) и бездорожным землям через ручьи и дремучие леса. Страна славян – ровная и лесистая, и они в ней живут. И нет у них виноградников и пахотных полей. И есть у них нечто вроде бочонков, сделанных из дерева, в которых находятся улья и мед. Называется это у них улишдж, из одного бочонка добывается до 10 кувшинов меда. И они народ, пасущий свиней, как (мы) овец. Когда умирает у них кто-либо, труп его сжигают. Женщины же, когда случится у них покойник, царапают себе ножом руки и лица. На другой день после сожжения покойника они идут на место, где это происходило, собирают пепел с того места и кладут его на холм. И по прошествии года после смерти покойника берут они бочонков двадцать или больше меда, отправляются на тот холм, где собирается семья покойного, едят там и пьют, а затем расходятся. И если у покойника было три жены и одна из них утверждает, что она особенно любила его, то она приносит к его трупу два столба, их вбивают стоймя в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посреди этой перекладины веревку, она становится на скамейку и конец (веревки) завязывает вокруг своей шеи. После того как она так делает, скамью убирают из-под нее, и она остается повисшей, пока не задохнется и не умрет, после чего ее бросают в огонь, где она и сгорает. И все они поклоняются огню. Большая часть их посевов из проса. Во время жат-

вы они берут ковш с просяными зернами, поднимают к небу и говорят: "Господи, ты который до сих пор снабжал нас пищей, снабди и теперь нас ею в изобилии".

Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели. Их свирели длиной в два локтя, лютня же восьмиструнная. Их хмельной напиток из меда. При сожжении покойника они предаются шумному веселью, выражая радость по поводу милости, оказанной ему богом. Рабочего скота у них немного, а лошадей нет ни у кого, кроме упомянутого человека. Орудие их состоит из дротиков, щитов и копий, другого оружия они не имеют. Глава их коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают. Местопребывание его находится в середине страны славян. И упомянутый глава, которого они называют "главой глав", зовется у них свят-малик, и он выше супанеджа, а супанедж является его заместителем (наместником). Царь этот имеет верховых лошадей и не имеет другой пищи, кроме кобыльего молока. Есть у него прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги. Город, в котором он живет, называется Джарваб*. и в этом городе ежемесячно в течение трех дней проводится торг, покупают и продают. В их стране холод до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, к которому приделывает деревянную остроконечную крышу, наподобие христианской церкви, и на крышу накладывает землю. В такие погреба переселяются со всем семейством и, взяв дров и камней, разжигают огонь и раскаляют камни до высшей степени, их обливают водой, от чего распространяется пар, нагревающий жильё до того, что снимают даже одежду. В таком жильё остаются до весны. Царь ежегодно объезжает их. И если у кого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из ее платьев в год, а если сын, то также берет по одному из платьев в год. У кого же нет ни сына, ни дочери, тот дает по одному из платьев жены или рабыни в год. И если поймает царь в своей стране вора, то либо приказывает его удушить, либо отдает под надзор одного из правителей на окраинах своих владений.

...Что же касается ар-Русийи, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на котором они (русы) живут, протяженностью в три дня пути покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр от того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый хакан русов. Они напа-

дают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян. Когда у них рождается сын, то он (рус) дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ребенком и говорит: "Я не оставляю тебе в наследство никакого имущества и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь этим мечом". И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие — торговля соболями, белыми и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса. Они соблюдают чистоту своих одежд, их мужчины носят золотые браслеты. С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют ими. У них много городов, и живут они привольно. Гостям оказывают почет и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо, так же как и с теми, кто часто у них бывает, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. Если же кто из них обидит или притеснит чужеземца, то помогают и защищают последнего.

Мечи у них сулеймановы. И если какое-либо их племя, род (поднимается против кого-либо), то вступаются все они. И нет тогда (между ними) розни, но выступают единодушно на врага, пока его не победят.

И если один из них возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым (они) и препираются. Когда же царь произнес приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором царя, то по его приказанию дело решается оружием (мечами) и чей из мечей острее, тот и побеждает. На этот поединок родственники (обеих сторон) приходят вооруженные и становятся. Затем соперники вступают в бой, и кто одолеет противника, выигрывает дело.

Есть у них знахари, из которых иные повелевают царем, как будто бы они их (русов) начальники.

Случается, что они приказывают принести жертву творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, скотом. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак невозможно. Взяв человека или животное, знахарь накидывает ему на шею петлю, вешает жертву на бревно и ждет, пока она не задохнется, и говорит, что это жертва богу.

Они храбры и мужественны, и если нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его полностью. Победенных истребляют или обращают в рабство. Они высокого роста, статные и смелые при нападениях. Но на коне смелости не проявляют и все свои набеги, походы совершают на кораблях.

(Русы) носят широкие шаровары, на каждые из которых идет сто локтей материи. Надевая такие шаровары, собирают их в сборку у колен, к которым затем и привязывают. Никто из них не испражняется наедине, но обязательно сопровождают (руса) трое его товарищей и оберегают его.

Все они постоянно носят мечи, так как мало доверяют друг другу, и коварство между ними дело обыкновенное. Если кому из них удастся приобрести хоть немного имущества, то родной брат или товарищ его тотчас начнет ему завидовать и попытается его убить или ограбить.

Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда, и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежды и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда же множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника, после этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заточении.

***О трех центрах Руси (из "Китаб ал-масалик вал-мамалик"
арабского географа Ибн Хаукаля)***

... И русов три группы. (Первая) группа, ближайшая к Булгару, и царь их в городе, называемом Куйаба, и больше Булгара.

И группа самая высшая (главная) из них, называют ее ас-Славийа, и царь их в городе Салау. (Третья) группа их, называемая ал-Арсанийа, и царь их сидит в Арсе, городе их. И достигают люди с торговыми целями Куйабы и района его. Что же касается Арсы, то я не слышал, чтобы кто-либо упоминал о достижении ее чужеземцами, ибо они (ее жители) убивают всех чужеземцев, приходящих к ним. Сами же они спускаются по воде для торговли и не сообщают ничего о делах своих и товарах своих и не позволяют никому следовать за собой и входить в страну свою.

И вывозят из Арсы черных соболей, черных лисиц и олово (свинец?) и некоторое число рабов. Русы – народ, сжигающий своих мертвых <...>

Русы приезжают торговать в Хазар и Рум. Булгар Великий граничит с русами на севере. Они (русы) велики числом и уже издавна нападают на те части Рума, что граничат с ними, и налагают на них дань. И болгары внутренние христиане и мусульмане.

**Сведения о племенах, населявших восточные славянские территории,
(из словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона)***

Меря

Меряне – древне-финское племя, упоминаемое в начальной летописи, как жившее в соседстве с весью, у озер Ростовского (Неро) и Клещина (Переяславского), платившее наравне с другими славянскими и финскими племенами дань варягам и участвовавшее затем в призвании варяжских князей. Летописные данные об этом племени весьма скудны (последнее упоминание – под 907 г.). Топографическая номенклатура доказывает, что область обитания Меря была весьма обширна и обнимала все среднее Поволжье, доходя на Север до водораздела Волги с беломорским бассейном, на Запад – до Шексны и Малоги, на Юг – захватывая верховья Клязьмы и Москвы-реки и соприкасаясь с областью кривичей и вятичей, на Юго-Востоке и Востоке – сходясь с поселениями Мещеры, Мурома и Перми. Это широкое распространение Меря доказывается и археологическими раскопками курганов в губерниях Владимирской и других областей, давшими наибольшее число данных для суждения о культуре Меря. Самые значительные раскопки в уездах Суздальском, Юрьевском, Владимирском и других были произведены в 50-х гг. XIX столетия графом А.С. Уваровым и П. С. Савельевым, которыми было раскопано 7729 курганов.

Мурома

Финское (чудское) племя, жившее на Западе и Северо-Западе от Мери. Начальный летописец помещает Мурома в нижнем течении Оки, до ее впадения в Волгу и приписывает ему особый язык, образцов которого кро-

* Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. – М., 2002.

ме слова Муром не сохранилось. Второе летописное упоминание о Муромах указывает, что у них уже в IX в. был город Муром, и что они были подчинены Рюрику. Обыкновенно основываясь на топографических данных, исследователи областью Мурома считают страну от гор Мурома вверх по Оке на Запад до пределов Мери, где теперь озеро Муромское, а на Северо-Западе и Севере – до водораздела между Окою и Клязьмой, где теперь село Муромцево. Поселения Мурома вдавались клином между землями черемись и мордвы, с которой Кастрен считает их за одно племя. Судя по той борьбе, которую пришлось выдержать первым христианам в Муромах, можно думать, что язычество достигло среди Мурома значительного развития. Об остатках язычества среди Мурома есть ясные свидетельства в житии Муромского князя Константина (XI в.). В X в. уже не встречается этнографического имени Мурома: вероятно, это племя быстрее других ассимилировалось со славянами.

Весь

Название одного из древнейших народов, обитающих в северной части территории русского государства. На востоке граница их жилищ проходит через западную часть Владимирской губернии, к северу от реки Клязьмы.

Поэтическое творчество восточных славян

В.М. Васнецов. Три богатыря

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

– Былина –

*Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
Он стоял заутреню во Муроме,
Ай к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.*

*Дай подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
Ай черным-черно, как черна ворона.
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великойей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конем топтать да стал копьём колоть,
Ай побил он эту силу всю великую...*

*Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать
<...>*

*Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному
<...>*

*Ай тут старья казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
Он стрелял в того-то Соловья-Разбойника,
Ему выбил право око со косицею,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю.
И он срубил ему да буйну голову.
<...>*

Говорил Илья да таковы слова:
Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек!

<...>

РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ XI – XII вв.

Повесть временных лет

Вот повести минувших лет, откуда пошла русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла русская земля.

Так начнем повесть сию.

По потопе трое сыновей Ноя разделили землю – Сим, Хам, Иафет. И достался восток Симу: Персия, Бактрия, даже и до Индии в долготу, а в ширину до Ринокорура, то есть от востока и до юга, и Сирия, и Мидия до реки Евфрат, Вавилон, Кордуна, ассирияне, Месопотамия, Аравия Старейшая, Елимаис, Индии, Аравия Сильная, Копия, Комагина, вся Финикия.

Хаму же достался юг: Египет, Эфиопия, соседящая с Индией, и другая Эфиопия, из которой вытекает река эфиопская Красная, текущая на восток, Фивы, Ливия, соседящая с Киринией, Мармария, Сирт, другая Ливия, Нумидия, Масурия, Мавритания, находящаяся против Гадира. В его владениях на востоке находятся также: Киликия, Памфилия, Писидия, Мизия, Ликаония, Фригия, Камалия, Ликия, Кария, Лидия, другая Мизия, Троада, Эолида, Вифиния, Старая Фригия и острова некие: Сардиния, Крит, Кипр и река Геона, иначе называемая Нил.

Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Каппадония, Пафлагокия, Галатия, Колхида, Босфор, Меоты, Деревия, Сарматия, жители Тавриды, Скифия, Фракия, Македония, Далмагия, Малосия, Фессалия, Локрида, Пеления, которая на-

зывается также Пелопоннес, Аркадия, Эпир, Иллирия, славяне, Лихнития, Адриакия, Адриатическое море. Достались и острова: Британия, Сицилия, Эвбея, Родос, Хиос, Лесбос, Китира, Закинф, Кефаллия, Итака, Корсика, часть Азии, называемая Иония, река Тигр, текущая между Мидией и Вавилоном; до Понтийского моря на север: Дунай, Днестр, Кавкасинские горы, то есть Венгерские, а оттуда до Днепра, и прочие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая течет на восток в страны Сима. В странах же Иафета сидят русские, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, Пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы. Ляхи же и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку – до пределов Сима, сидят по тому же морю и к западу – до земли Английской и Волошской. Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англй, галичане, волоки, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, гонуэзцы и прочие, – они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым.

Сим же, Хам и Иафет разделили землю, бросив жребий, и порешили не вступать никому в долю брата, и жили каждый в своей части. И был единый народ. И когда умножились люди на земле, замыслили они создать столп до небес, – было это в дни Иоктана и Фалека. И собрались на месте поля Сенар строить столп до неба и около него город Вавилон; и строили столп тот сорок лет, и не свершили его. И сошел господь бог видеть город и столп, и сказал господь: "Вот род един и народ един". И смешал бог народы, и разделил на семьдесят и два народа, и рассеял по всей земле. По смешении же народов бог ветром великим разрушил столп; и находятся остатки его между Ассирией и Вавилоном, и имеют в высоту и в ширину 5433 локтя, и много лет сохраняются эти остатки.

По разрушении же столпа и по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама – южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же семидесяти двух язык произошел и народ славянский, от племени Иафета – так называемые норикки, которые и есть славяне.

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава, а другие назвались чехи. А вот

еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи -лутичи, иные – мазовшане, иные – поморяне.

Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, по имени Полота, от нее и получили название полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем – славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась "славянская".

Когда же поляне жили отдельно по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра – волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет, и направляется на север, и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалиское. Так и из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы, и дальше на восток пройти в удел Сима, а по Двине – в землю Варягов, от Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хама. А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слышит Русским – по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра.

Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: "Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать божья, будет город великий, и воздвигнет бог много церквей". И взо-

шел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей – каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: "Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевненным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это всякий день, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то совершают омовенье себе, а не мученье". Те же, слышав об этом, удивлялись: Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии (о которой речь в дальнейшем) были уже поляне, и жили они родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: один по имени Кий, другой – Щек и третий – Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и донныне в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: "На перевоз на Киев". Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, и великие почести воздал ему, говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же возвращался, пришел он на Дунай, и облюбывал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему близживущие; так донныне называют придунайские жители городище то – Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И по смерти братьев этих потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город – Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят и северяне. А на Белоозере сидит весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере также меря. А по реке Оке – там, где она впадает в Волгу, – мурома, говорящая на своем языке, и черемисы, говорящие на своем языке, и мордва, говорящая на своем языке. Вот кто только говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волынянами. А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливонцы, – эти говорят на своих языках, они – потомство Иафета, живущее в северных странах. Когда же славяне, как мы уже говорили, жили на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были насильники славянам. Затем пришли белые угры и наследовали землю Славянскую. Угры эти появились при царе Ираклии, который ходил походом на персидского царя Хоздроя. В те времена существовали и обры, воевавшие против царя Ираклия и чуть было его не захватившие. Эти обры воевали и против славян и примучили дулебов – также славян, и творили насилие женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его – обрина, – и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и бог истребил их, и умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доньне: "Погибли как обры", – их же нет ни племени, ни потомства. Вслед за этими обрами пришли печенеги, а затем шли черные угры мимо Киева, но было это уже после – при Олеге.

Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и только после назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и также не сразу назвались древляне; радимичи же и вятичи – от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов – Радим, а другой – Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а

Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и соседил с Дунаем. Было их множество: сидели они прежде по Днестру до самого моря, и сохранились города их и донныне; вот почему греки называли их "Великая Скифь".

Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые – свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровьями и деверьями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят за нее – кто что даст. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе же по стовору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи, и прочие язычники, не знающие закона божьего, но сами себе устанавливающие закон. <...>

Так вот и при нас теперь половцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже хвалятся этим, едят мертвечину и всякую нечистоту – хомяков и сусликов, и берут своих мачех и невесток, и выполняют иные обычаи своих отцов. Мы же, христиане всех стран, где веруют во святую Троицу, в единое крещение и исповедуют единую веру, имеем единый закон, поскольку мы крестились во Христа и во Христа облеклись.

Вслед за тем, по смерти братьев этих (Кия, Щека и Хорива), притесняли полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах и сказали: "Платите нам дань". Поляне, посоветавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к

старейшинам, и сказали им: "Вот, новую дань нашли мы". Те же спросили у них: "Откуда?" Они же ответили: "В лесу на горах над рекою Днепром". Опять спросили те: "А что дали?" Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: "Не добрая дань эта, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны – саблями, а у этих оружие обоюдоострое – мечи. Станут они когда-нибудь собирать дань и с нас и с иных земель". И сбылось сказанное ими, так как не по своей воле говорили они, но по божьему повелению. <...>

В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим. От Адама и до потопа 2242 года, а от потопа до Авраама 1000 и 82 года, а от Авраама до исхода Моисея 430 лет, а от исхода Моисея до Давида 600 и 1 год, а от Давида и от начала царствования Соломона до пленения Иерусалима 448 лет, а от пленения до Александра Македонского 318 лет, а от Александра до рождения Христова 333 года, а от Христова рождения до Константина 318 лет, от Константина же до Михаила сего 542 года. А от первого года царствования Михаила до первого года княжения Олега, русского князя, 29 лет, а от первого года княжения Олега, потому что он сел в Киеве, до первого года княжения Игоря 31 год, а от первого года княжения Игоря до первого года Святославова 33 года, а от первого года княжения Святослава до первого года Ярополкова 28 лет; а княжил Ярополк 8 лет, а Владимир княжил 37 лет, а Ярослав княжил 40 лет. Таким образом, от смерти Святослава до смерти Ярослава 85 лет; от смерти же Ярослава до смерти Святополка 60 лет. < ... >

В год 6367 (859). Варяги из замори взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма.

В год 6368 (860). В год 6369 (861).

В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собою владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: "Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву". И пошли за море к

варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англй, а еще иные готландцы, – вот так и эти прозвались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами". И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах – находники, а коренное население в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик. И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: "Чей это городок?" Тамошние же жители ответили: "Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам". Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде.

В год 6371 (863). В год 6372 (864). В год 6373 (865).

В год 6374 (866). Отправились Аскольд и Дир войной на греков и пришли туда в четырнадцатый год царствования Михаила. Царь же был в это время в походе на агарян, дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет походом на Царьград, и возвратился царь. Эти же вошли внутрь Суда, совершили много убийств христиан и осадили Царьград двумястами кораблей. Царь же с трудом вошел в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы во Влахерне, и вынесли они с песнями божественную ризу святой богородицы, и омочили в море ее полу. Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и великие волны, чтобы разметать корабли язычников русских, и прибило их к берегу и переломало так, что немногим из них удалось избежать этой беды и вернуться домой.

< ... >

В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил своих мужей. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам отправился к ним вместе с младенцем. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов; и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де "мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придете к нам, к родичам своим". Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: "Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода", а когда вынесли Игоря, добавил: "Вот он сын Рюрика". И убили Аскольда и Диру, отнесли на гору и погребли: Аскольда – на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольга поставил церковь святого Николы; а Дирина могила – за церковью святой Ирины. И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: "Да будет матерью городам русским". И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозванные русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани славянам, и кривичам, и мери, положил, и для варягов давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава.

В год 6391 (883). Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по черной кунице.

В год 6392 (884). Отправился Олег на северян, и победил их, и возложил на них легкую дань, не позволил им платить дань хазарам, говоря так: "Я враг их, и вам им платить незачем".

В год 6393 (885). Послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?» Они же ответили: "Хазарам". И сказал им Олег: "Не давайте хазарам, но платите мне". И дали Олегу по щелягу, как раньше хазарам давали. И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал. < ... >

В год 6406 (898). Шли угры мимо Киева горою, которая прозывается теперь Угорской, пришли к Днепру, и стали вежами: ходили они так же, как теперь половцы. И, придя с востока, устремились через великие горы,

которые прозвались Угорскими горами, и стали завоевывать живших там волохов и славян. Сидели ведь тут прежде славяне, а затем Славянскую землю захватили волохи. А после угры прогнали волохов, унаследовали ту землю и поселились со славянами, покорив их себе; и с тех пор прозвалась земля Угорской. И стали угры воевать против греков и попленили землю Фракийскую и Македонскую до самой Селуни. И стали воевать против моравов и чехов. Был един народ славянский: и те славяне, которые сидели по Дунаю, покоренные уграми, и моравы, и чехи, и поляки, и поляне, которых теперь называют русь. Для них ведь, моравов, первоначально созданы буквы, названные славянской грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских.

Когда славяне жили уже крещенными, князья их Ростислав, Святополк и Коцел послали к царю Михаилу, говоря: "Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы наставил и поучил нас и объяснил святыя книги. Ведь не знаем мы ни греческого языка, ни латинского; одни учат нас так, а другие иначе, от этого не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам рассказать о книжных словах и о смысле их". Услышав это, царь Михаил созвал всех философов и передал им все, сказанное славянскими князьями. И сказали философы: "В Селуни есть муж, именем Лев. Имеет он сыновей, знающих славянский язык; два сына у него искусные философы". Услышав об этом, царь послал за ними ко Льву в Селунь, со словами: "Пошли к нам без промедления своих сыновей Мефодия и Константина". Услышав об этом, Лев вскоре же послал их, и пришли они к царю, и сказал им царь: "Вот, прислала послов ко мне Славянская земля, прося себе учителя, который мог бы им истолковать священные книги, ибо этого они хотят". И уговорил их царь и послал их в Славянскую землю к Ростиславу, Святополку и Коцелу. Когда же братья эти пришли, начали они составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие. И рады были славяне, что услышали они о величии божьем на своем языке. Затем перевели Псалтырь и Октоих и другие книги. Некие же люди стали хулить славянские книги и говорили, что де "ни одному народу не следует иметь свою азбуку, кроме евреев, греков и латинян, как в надписи Пилата, который на кресте господнем написал только на этих языках". Услышав об этом, папа римский осудил тех, кто

ропщет на славянские книги, сказав так: «Да исполнится слово Писания: "Пусть восхвалят бога все народы", и другое: "Пусть все народы восхвалят величие божие, поскольку дух святой дал им говорить". Если же кто бранит славянскую грамоту, да будет отлучен от церкви, пока не исправится; это волки, а не овцы, их следует узнавать по поступкам их и беречься их. Вы же, дети, послушаете божественного учения и не отвергните церковного поучения, которое дал вам наставник ваш Мефодий». Константин же вернулся назад и отправился учить болгарский народ, а Мефодия оставил в Моравии. Затем князь Коцел поставил Мефодия епископом в Паннонии на столе святого Андроника, одного из семидесяти апостолов, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посадил двух попов, хороших скорописцев, и перевел все книги полностью с греческого языка на славянский в шесть месяцев, начав в марте, а закончив 26 октября. Закончив же, воздал достойную хвалу и славу богу, давшему такую благодать епископу Мефодию, преемнику Андроника; ибо учитель славянскому народу – апостол Андроник. До моравов же доходил и апостол Павел и учил там; там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Вот почему учитель славян – апостол Павел, из тех же славян – и мы, русь; поэтому и нам, руси, учитель Павел, так как учил славянский народ и поставил по себе для славян епископом и наместником Андроника. А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне: хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами прозвались потому, что сидели в поле, а язык был им общий – славянский. < ... >

В год 6411 (903). Игорь вырос и собирал дань после Олега, и слушались его, и привели ему жену из Пскова, именем Ольгу.

В год 6412 (904). В год 6413 (905). В год 6414 (906).

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве: взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки "Великая Скифь". И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях: и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств

сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли по полю к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: "Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь". И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: "Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от бога". И приказал Олег дать дани на две тысячи кораблей: по двенадцати гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: "Платите мне дань". И сказали греки: "Что хочешь, дадим тебе". И приказал Олег дать воинам своим на 2000 кораблей по 12 гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу. "Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов, сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное на 6 месяцев: хлеб, вино, мясо, рыбу и плоды. И пусть устраивают им баню – сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у царя на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно". И обязались греки, и сказали цари и все бояре: "Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное; пусть запретит русский князь указом своим приходящим сюда русским творить бесчинства в селах и в стране нашей. Приходящие сюда русские пусть живут у церкви святого Мамонта, и пришлют к ним от нашего царства, и переписут имена их, тогда возьмут полагающееся им месячное, – сперва те, кто пришли из Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из других городов. И пусть входят в город только через одни ворота в сопровождении царского мужа, без оружия, по пятьдесят человек, и торгуют, сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов".

Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили ко взаимной присяге: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили к клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир.

И сказал Олег: "Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам копринные", – и было так. И повесил щит свой на воротах в знак победы, и пошел от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне копринные, и разодрал их ветер; и сказали славяне: "Возьмем свои толстины, не даны славянам паруса из паволок". И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

В год 6416 (908). В год 6417 (909). В год 6418 (910).

В год 6419 (911). Явилась на западе большая звезда в виде копья.

В год 6420 (912). Послал Олег мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими, говоря так: "Список с договора, заключенного при тех же царях Льве и Александре. Мы от рода русского – Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид – посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его, – светлых и великих князей, и его великих бояр, к вам, Льву, Александру и Константину, великим в Боге самодержцам, царям греческим, для укрепления и для удостоверения многолетней дружбы, бывшей между христианами и русскими, по желанию наших великих князей и по повелению, от всех находящихся под рукою его русских. Наша светлость, превыше всего желая в Боге укрепить и удостоверить дружбу, существовавшую постоянно между христианами и русскими, рассудили по справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, утвердить такую дружбу и удостоверить ее по вере и по закону нашему.

Таковы суть главы договора, относительно которых мы себя обязали по Божьей вере и дружбе. Первыми словами нашего договора помиримся с вами, греки, и станем любить друг друга от всей души и по всей доброй воле, и не дадим произойти, поскольку это в нашей власти, никакому об-

ману или преступлению от сущих под рукою наших светлых князей; но постараемся, насколько в силах наших, сохранить с вами, греки, в будущие годы и навсегда непревратную и неизменную дружбу, изъявлением и преданием письму с закреплением, клятвой удостоверяемую. Так же и вы, греки, соблюдайте такую же непоколебимую и неизменную дружбу к князьям нашим светлым русским и ко всем, кто находится под рукою нашего светлого князя всегда и во все годы.

А о главах, касающихся возможных злодеяний, договоримся так: те злодеяния, которые будут явно удостоверены, пусть считаются бесспорно совершившимися; а каким не станут верить, пусть клянется та сторона, которая домогается, чтобы злодеянию этому не верили; и когда поклянется сторона та, пусть будет такое наказание, каким окажется преступление.

Об этом: если кто убьет, – русский христианина или христианин русского, – да умрет на месте убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которую полагается по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по закону. Если же окажется неимущим бежавший убийца, то пусть останется под судом, пока не разыщется, а тогда да умрет.

Если ударит кто мечом или будет бить каким-либо другим орудием, то за тот удар или битье пусть даст 5 литр серебра по закону русскому; если же совершивший этот проступок неимущий, то пусть даст сколько может, так, что пусть снимет с себя и те самые одежды, в которых ходит, а об оставшейся неуплаченной сумме пусть клянется по своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть не взыскивается с него этот остаток.

Об этом: если украдет что русский у христианина или, напротив, христианин у русского, и пойман будет вор пострадавшим в то самое время, когда совершает кражу, либо если приготовится вор красть и будет убит, то не взыщется смерть его ни от христиан, ни от русских; но пусть пострадавший возьмет то свое, что потерял. Если же добровольно отдастся вор, то пусть будет взят тем, у кого он украл, и пусть будет связан, и отдаст то, что украл, в тройном размере.

Об этом: если кто из христиан или из русских посредством побоев покусится (на грабеж) и явно силою возьмет что-либо, принадлежащее другому, то пусть вернет в тройном размере.

Если выкинута будет ладья сильным ветром на чужую землю и будет там кто-нибудь из нас, русских, и поможет сохранить ладью с грузом ее и отправить вновь в Греческую землю, то проводим ее через всякое опасное место, пока не придет в место безопасное; если же ладья эта бурей или на мель сев задержана и не может возвратиться в свои места, то поможем гребцам той ладьи мы, русские, и проводим их с товарами их поздорову. Если же случится около Греческой земли такая же беда с русской ладьей, то проводим ее в Русскую землю и пусть продают товары той ладьи, так что если можно что продать из той ладьи, то пусть вынесем (на греческий берег) мы, русские. И когда приходим (мы, русские) в Греческую землю для торговли или посольством к вашему царю, то (мы, греки) пропустим с честью проданные товары их ладьи. Если же случится кому-либо из нас, русских, прибывших с ладьею, быть убиту или что-нибудь будет взято из ладьи, то пусть будут виновники присуждены к вышесказанному наказанию.

Об этих: если пленник той или иной стороны насильно удерживается русскими или греками, будучи продан в их страну, и если, действительно, окажется русский или грек, то пусть выкупят и возвратят выкупленное лицо в его страну и возьмут цену его купившие, или пусть будет предложена за него цена, полагающаяся за челядина. Также, если и на войне взят будет он теми греками, – все равно пусть возвратится он в свою страну и отдана будет за него обычная цена его, как уже сказано выше.

Если же будет набор в войско и эти (русские) захотят почтить вашего царя, и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего царя по своей воле, то пусть так будет.

Еще о русских, о пленниках. Явившиеся из какой-либо страны (пленные христиане) на Русь и продаваемые (русскими) назад в Грецию или пленные христиане, приведенные на Русь из какой-либо страны, – все эти должны продаваться по 20 златников и возвращаться в Греческую землю.

Об этом: если украден будет челядин русский, либо убежит, либо насильно будет продан и жаловаться станут русские, пусть докажут это о

своём челядине и возьмут его на Русь, но и купцы, если потеряют челядина и обжалуют, пусть требуют судом и, когда найдут, – возьмут его. Если же кто-либо не позволит произвести дознание, – тем самым не будет признан правым.

И о русских, служащих в Греческой земле у греческого царя. Если кто умрет, не распорядившись своим имуществом, а своих (в Греции) у него не будет, то пусть возвратится имущество его на Русь ближайшим младшим родственникам. Если же сделает завещание, то возьмет завещанное ему тот, кому написал наследовать его имущество, и да наследует его.

О русских, взимающих куплю.

О различных людях, ходящих в Греческую землю и остающихся в долгу. Если злодей не возвратится на Русь, то пусть жалуются русские греческому царству, и будет он схвачен и возвращен насильно на Русь. То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же.

В удостоверение и неизменность, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях – царя вашего и своею рукою, – скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного бога вашего и дали нашим послам. Мы же клялись царю вашему, поставленному от бога, как божественное создание, по вере и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы. И этописание дали царям вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира. Месяца сентября 2, индикта 15, в год от сотворения мира 6420".

Царь же Леон почтил русских послов дарами – золотом, и шелками, и драгоценными тканями – и приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множество золота, паволоки, драгоценные камни и страсти Господни – венец, гвозди, багряницу и мощи святых, уча их вере своей и показывая им истинную веру. И так отпустил их в свою землю с великою честью. Послы же, посланные Олегом, вернулись к нему и поведали ему все речи обоих

царей, как заключили мир и договор положили между Греческою землею и Русскою и установили не преступать клятвы – ни грекам, ни руси.

И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого прежде поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо спрашивал он волхвов и кудесников: "От чего я умру?". И сказал ему один кудесник: "Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь, – от него тебе и умереть". Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: "Никогда не сяду на него и не увижу его больше". И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, – на пятый год помянул он своего коня, от которого волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: "Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?". Тот же ответил: "Умер". Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: "Неверно говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив". И приказал оседлать себе коня: "Да увижу кости его". И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: "От этого ли черепа смерть мне принять?". И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемую Щековица; есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три. < ... >

В год 6421 (913). После Олега стал княжить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона. И затворились от Игоря древляне по смерти Олега.

В год 6422 (914). Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой. В тот же год пришел Симеон Болгарский на Царьград и, заключив мир, вернулся восвояси.

В год 6423 (915). Пришли впервые печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю. < ... >

В год 6449 (941). Пошел Игорь на греков. И послали болгары весть царю, что идут русские на Царьград: 10 тысяч кораблей. И пришли, и подплыли, и стали воевать страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. <...>

В год 6452 (944). Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и словен, и кривичей, и тиверцев, – и нанял печенегов, и заложников у них взял, – и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: "Вот идут русские, без числа кораблей их, покрыли море корабли". Также и болгары послали весть, говоря: "Идут русские и наняли себе печенегов". Услышав об этом, царь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою, говоря: "Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани". Также и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и стал с нею держать совет, и поведал ей речь цареву. Сказала же дружина Игорева: "Если так говорит царь, то чего нам еще нужно, – не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто – кому одолеть: нам ли, им ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть". Послушал их Игорь и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и паволоки на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси. <...>

В год 6453 (945). В тот год сказала дружина Игорю: "Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам". И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: "Идите с данью домой, а я возвращусь и похожу еще". И отпустил дружину свою домой, а сам с малой ча-

стью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: "Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит". И послали к нему, говоря: "Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань". И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружинников его, так как было их мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд – отец Мстиши. Сказали же древляне: "Вот убили мы князя русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим". И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге, и пристали в ладье под Боричевым. Ведь вода тогда текла возле Киевской горы, а люди сидели не на Подоле, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а место для ловли птиц было вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор domestика, позади церкви святой Богородицы; над горою был теремной двор – был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне, и призвала их Ольга к себе, и сказала им: "Гости добрые пришли". И ответили древляне: "Пришли, княгиня". И сказала им Ольга: "Так говорите же, зачем пришли сюда?". Ответили же древляне: "Послала нас Деревская земля с такими словами: "Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что берегут Деревскую землю, – пойдешь замуж за князя нашего за Мала"". Было ведь имя ему Мал, князю древлянскому. Сказала же им Ольга: "Любезна мне речь ваша, – мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью, величаясь, а утром я пошлю за вами, а вы говорите: "Не едем на конях, ни пеши не пойдём, но понесите нас в ладье", – и вознесут вас в ладье", и отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать яму великую и глубокую на теремном дворе, вне града. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями, и пришли к ним, и сказали: "Зовет вас Ольга для чести великой". Они же от-

ветили: "Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье". И ответили киевляне: "Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя", – и понесли их в ладье. Они же сидели, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге, и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, склонившись к яме, спросила их Ольга: "Хороша ли вам честь?". Они же ответили: "Горше нам Игоревой смерти". И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам, и сказала им: "Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди". Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: "Вымывшись, придите ко мне". И натопили баню, и вошли в нее древляне, и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от дверей, и тут сгорели все.

И послала к древлянам со словами: "Вот уже иду к вам, приготовьте меда многие в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своему муже". Они же, услышав об этом, свезли множество меда и заварили его. Ольга же, взяв с собою небольшую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать высокий холм могильный, и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и

приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: "Где дружина наша, которую послали за тобой?".

Она же ответила: "Идут за мною с дружиною мужа моего". И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить в их честь, а сама отошла недалеко и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их пять тысяч. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско.

Начало княжения Святослава, сына Игорева. В год 6454 (946) Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило коня по ногам, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: "Князь уже начал; последуем, дружина, за князем". И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как те убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в городе и стойко оборонялись из города, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться. И стояла Ольга все лето и не могла взять города, и замыслила так: послала она к городу со словами: "До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и согласились на дань и уже возделывают свои нивы и земли; а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода". Древляне же ответили: "Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего". Сказала же им Ольга, что-де "я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву, и во второй раз, а в третий – когда устроила тризну по своему муже. Больше уже не хочу мстить, – хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь". Древляне же спросили: "Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха". Она же сказала: "Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас этой малости". Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: "Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти, – идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город". Древляне же с радостью вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам – кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждому. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пус-

тить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи, и так загорелись – где голубятни, где клетки, где сараи и сеновалы, и не было двора, где бы не горело, и нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. А как взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а прочих людей убила, а иных отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

И возложила на них тяжкую дань: две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольгиным. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиной по Древлянской земле, устанавливая дани и налоги; и сохранились места ее стоянок и места для охоты. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом, и пробыла здесь год.

В год 6455 (947). Отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани и по Луге – оброки и дани, и ловища ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты, а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц, и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев, и там пребывала с ним в любви.<...>

В год 6463 (955). Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И был тогда царь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга, и, увидев, что она очень красива лицом и разумна, подивился царь ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: "Достойна ты царствовать с нами в столице нашей". Она же, поразмыслив, ответила царю: "Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам – иначе не крещусь". И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом; и наставил ее патриарх в вере, и сказал ей: "Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя сыны русские до последних поколений внуков твоих". И дал ей заповеди о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении чистоты телесной. Она же, склонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: "Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских". И было наречено ей

в крещении имя Елена, как и древней царице – матери Константина Великого. И благословил ее патриарх, и отпустил. После крещения призвал ее царь и сказал ей: "Хочу взять тебя в жены". Она же ответила: "Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это – ты сам знаешь". И сказал ей царь: "Перехитрила ты меня, Ольга". И дал ей многочисленные дары – золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своею дочерью. Она же, собравшись домой, пришла к патриарху, и попросила у него благословения дому, и сказала ему: "Люди мои и сын мой язычники, – да сохранит меня Бог от всякого зла". И сказал патриарх: "Чадо верное! В Христа ты крестилась и в Христа облеклась, и Христос сохранит тебя, как сохранил Еноха во времена праотцев, а затем Ноя в ковчеге, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от фараона, Давида от Саула, трех отроков от печи, Даниила от зверей, – так и тебя избавит он от козней дьявола и от сетей его". И благословил ее патриарх, и отправилась она с миром в свою землю, и пришла в Киев. <...>

Жила же Ольга вместе с сыном своим Святославом и учила его принять крещение, но он и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмеялся над тем. "Ибо для неверующих вера христианская юродство есть"; "Ибо не знают, не разумуют те, кто ходят во тьме", и не ведают славы Господней; "Огрубели сердца их, с трудом уши их слышат, а очи видят". Ибо сказал Соломон: "Дела нечестивых далеки от разума"; "Потому что звал вас и не послушались меня, обратился к вам, и не внимали, но отвергли мои советы и обличений моих не приняли"; "Возненавидели премудрость, а страха Божьего не избрали для себя, не захотели принять советов моих, презрели обличения мои". Так и Ольга часто говорила: "Я познала Бога, сын мой, и радуюсь; если и ты познаешь – тоже станешь радоваться". Он же не внимал тому, говоря: "Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмеяться". Она же сказала ему: "Если ты крестишься, то и все сделают то же". Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям, не зная, что кто матери не слушается – в беду впадет, как сказано: "Если кто отца или матери не слушает, то смерть примет". Святослав же притом гневался на мать. <...>

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, – такими же были и все остальные его воины. И посылал в иные земли со словами: "Хочу на вас идти". И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал вятичам: "Кому дань даете?". Они же ответили: "Хазарам – по щелягу с сохи даем".

В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В год 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их 80 по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков.

В год 6476 (968). Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга со своими внуками – Ярополком, Олегом и Владимиром в городе Киеве. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города, и нельзя было ни выйти из города, ни вести послать, и изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том берегу, и нельзя было никому из них пробраться в Киев, ни из города к ним. И стали тужить люди в городе, и сказали: "Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, – сдадимся печенегам". И сказал один отрок: "Я проберусь", и ответили ему: "Иди". Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: "Не видел ли кто-нибудь коня?". Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: "Если не подойдете завтра к

городу, то люди сдадутся печенегам". Воевода же их, по имени Претич, сказал: "Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав". И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенеги же решили, что пришел князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один к воеводе Претичу и спросил: "Кто это пришел?". А тот ответил ему: "Люди той стороны (Днепра)". Печенежский князь спросил: "А ты не князь ли?". Претич же ответил: "Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество". Так сказал он, чтобы их припугнуть. Князь же печенежский сказал Претичу: "Будь мне другом". Тот ответил: "Так и сделаю". И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы. Тот же дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города, и нельзя было коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: "Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?". Услышав это, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о перенесенном от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в степь, и наступил мир.

В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: "Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы". Отвечала ему Ольга: "Видишь – я больна; куда хочешь уйти от меня?" – ибо она уже разболелась. И сказала: "Когда похоронишь меня, – отправляйся куда захочешь". Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди, и понесли, и похоронили ее на выбранном месте. Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника – тот и похоронил блаженную Ольгу. < ... >

В год 6478 (970). Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: "Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя". И сказал им Святослав: "А кто бы пошел к вам?". И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: "Просите Владимира". Владимир же был от Малуши – ключницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: "Дай нам Владимира". Он же ответил им: "Вот он вам". И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец.

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву со Святославом, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: "Здесь нам и умереть; постоим же мужественно, братья и дружина!". И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: "Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город". И сказали греки: "Невмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань и на всю свою дружину и скажи, сколько вас, и дадим мы по числу дружинников твоих". Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: "Нас двадцать тысяч", и прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч, и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их – сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: "Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим – должны сражаться. Так не посрамям земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвым не ведом позор. Если же побежим – позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь". И ответили воины: "Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим". И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и донныне пусты. И созвал царь бояр своих в палату, и сказал им: "Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?". И сказали ему бояре: "Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?". И послал

к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказав ему: "Следи за его видом, и лицом, и мыслями". Он же, взяв дары, пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном, и сказал он: "Введите их сюда". Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: "Спрячьте". Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: "Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них – приказал спрятать". И сказал один: "Испытай его еще раз: пошли ему оружие". Они же послушали его, и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражая ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: "Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Соглашайся на дань". И послал к нему царь, говоря так: "Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь", ибо немного не дошел он до Царьграда. И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: "Возьмет-де за убитого род его". Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: "Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою, и меня", так как многие погибли в боях. И сказал: "Пойду на Русь, приведу еще дружины".

И отправил послов к царю в Доростол, ибо там находился царь, говоря так: "Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь". Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: "Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, а печенеги нам враждебны, и кто нам поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, – того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград". И была любя речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол, и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: "Пусть говорят послы русские". Они же начали: "Так говорит князь наш: "Хочу иметь истинную любовь с греческим царем на все будущие времена"". Царь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. < ... >

Заклучив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: "Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги". И не послушал его, и пошел в ладьях. А перяславцы послали к печенегам сказать: "Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа". Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и тут перезимовал Святослав.

В год 6480 (972). Когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было двадцать восемь.

В год 6481 (973). Начал княжить Ярополк.

В год 6482 (974).

В год 6483 (975). Однажды Свенельдич, именем Лют, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег, и спросил своих: "Кто это?". И ответили ему: "Свенельдич". И, напав, убил его Олег, так как и сам охотился там же. И поднялась оттого ненависть между Ярополком и Олегом, и постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: "Пойди на своего брата и захвати волость его".

В год 6484 (976).

В год 6485 (977). Пошел Ярополк на брата своего Олега в Деревскую землю. И вышел против него Олег, и исполчились обе стороны. И в начавшейся битве победил Ярополк Олега. Олег же со своими воинами бежал в город, называемый Овруч, а через ров к городским воротам был перекинут мост, и люди, теснясь на нем, сталкивали друг друга вниз. И столкнули Олега с моста в ров. Много людей падало, и кони давили людей, Ярополк, войдя в город Олегов, захватил власть и послал искать своего брата, и искали его, но не нашли. И сказал один древлянин: "Видел я, как вчера спихнули его с моста". И послал Ярополк найти брата, и вытаскивали трупы изо рва с утра и до полдня, и нашли Олега под трупами; вынесли его и положили на ковре. И пришел Ярополк, плакал над ним и сказал

Свенельду: "Смотри, этого ты и хотел!". И похоронили Олега в поле у города Овруча, и есть могила его у Овруча и до сего времени. И наследовал власть его Ярополк. У Ярополка же была жена гречанка, а перед тем была она монахиней, в свое время привел ее отец его Святослав и выдал ее за Ярополка, красоты ради лица ее. Когда Владимир в Новгороде услышал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал за море. А Ярополк посадил своих посадников в Новгороде и владел один Русскою землею.

В год 6486 (978). В год 6487 (979).

В год 6488 (980). Владимир вернулся в Новгород с варягами и сказал посадникам Ярополка: "Идите к брату моему и скажите ему: "Владимир идет на тебя, готовься с ним биться". И сел в Новгороде.

И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: "Хочу дочь твою взять себе в жены". Тот же спросил у дочери своей: "Хочешь ли за Владимира?". Она ответила: "Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка". Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды – дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов – варягов, словен, чуди и кривичей – и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк, и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены.

И пошел на Ярополка. И пришел Владимир к Киеву с большим войском, а Ярополк не смог выйти ему навстречу и затворился в Киеве со своими людьми и с Блудом, и стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче – между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду – воеводе Ярополка, – с хитростью говоря: "Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца, и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него". И сказал Блуд послам Владимировым: "Буду с тобой в любви и дружбе". О злое коварство человеческое! Как говорит Давид: "Человек, который ел хлеб мой, возвел на меня клевету". Этот же обманом задумал измену своему князю. И еще: "Языком своим льстили. Осуди их, Боже, да откажутся они от замыслов своих; по множеству нечестия их отвергни их, ибо прогневали они тебя, Господи".

И еще сказал тот же Давид: "Муж скорый на кровопролитие и коварный не проживет и половины дней своих". Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие; безумцы те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить жизнь своего князя; хуже они бесов, Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь: потому и виновен он в крови той. Затворился Блуд (в городе) вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, но из-за горожан нельзя было убить его. Не смог Блуд никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: "Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: «Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка». Беги же из города". И послушался его Ярополк, выбежал из Киева и затворился в городе Родне в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был там жестокий голод, так что осталась поговорка и до наших дней: "Беда как в Родне". И сказал Блуд Ярополку: "Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заключай мир с братом своим", – так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: "Пусть так!", И послал Блуд к Владимиру со словами: "Сбылась-де мысль твоя, и, как приведу к тебе Ярополка, будь готов убить его". Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором мы уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И сказал Блуд Ярополку: "Пойди к брату своему и скажи ему: «Что ты мне ни дашь, то я и приму»". Ярополк пошел, а Варяжко сказал ему: "Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов", и не послушал его Ярополк. И пришел Ярополк ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазухи. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк. Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора того теремного к печенегам и долго воевал с печенегами против Владимира, с трудом привлек его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание. Владимир же стал жить с женою своего брата – гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира.

После всего этого сказали варяги Владимиру: "Это наш город, мы его захватили, – хотим взять выкуп с горожан по две гривны с человека". И сказал им Владимир: "Подождите с месяц, пока соберут вам куны". И ждали они месяц, и не дал им Владимир выкупа, и сказали варяги: "Обманул нас, так отпусти в Греческую землю". Он же ответил им: "Идите". И выбрал из них мужей добрых, умных и храбрых и роздал им города; остальные же отправились в Царьград к грекам. Владимир же еще прежде них отправил послов к царю с такими словами: "Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного".

И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей и дочерей, и приносили жертвы бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот. Но преблагой Бог не захотел гибели грешников, и на том холме стоит ныне церковь святого Василия, как расскажем об этом после. Теперь же возвратимся к прежнему.

Владимир посадил Добрыню, своего дядю, в Новгороде. И, придя в Новгород, Добрыня поставил кумира над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы как богу.

Был же Владимир побежден похотью, и были у него жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится сельцо Предславино, от нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двух дочерей; от гречанки имел он Святополка, от чехини – Вышеслава, а еще от одной жены – Святослава и Мстислава, а от болгарыни – Бориса и Глеба, а наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было 700 жен и 300 наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обрел себе вечное спасение. "Велик Господь, и велика крепость его, и разуму его нет конца!" <...>

В год 6489 (981). Пошел Владимир на поляков и захватил города их, Перемышль, Червен и другие города, которые и доньше под Русью. В том же году победил Владимир и вятичей и возложил на них дань – с каждого плуга, как и отец его брал.

В год 6490 (982). Поднялись вятичи войною, и пошел на них Владимир, и победил их вторично.

В год 6491 (983). Пошел Владимир против ятвягов, и победил ятвягов, и завоевал их землю. И пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими. < ... >

В год 6492 (984). Пошел Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста вперед себя, и встретил тот радимичей на реке Пищане, и победил радимичей Волчий Хвост. Оттого и дразнят русские радимичей, говоря: "Пищанцы от волчьего хвоста бегают". Были же радимичи от рода ляхов, пришли и поселились тут и платят дань Руси, повоз везут и доньше.

В год 6493 (985). Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: "Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать – пойдем, поищем себе лапотников". И заключил Владимир мир с болгарями, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: "Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть". И вернулся Владимир в Киев.

В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: "Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету". И спросил Владимир: "Какова же вера ваша?". Они же ответили: "Веруем Богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и избрет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том", и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и

всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание и воздержание от свиного мяса, а о питье, напротив, сказал он: "Руси есть веселие пить: не можем без того быть". Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: "Пришли мы, посланные папой", и обратились к Владимиру: "Так говорит тебе папа: "Земля твоя такая же, как и наша, а вера ваша не похожа на веру нашу, так как наша вера – свет; кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги – просто дерево". Владимир же спросил их: "В чем заповедь ваша?". И ответили они: "Пост по силе: если кто пьет или ест, то все это во славу Божию", – как сказал учитель наш Павел". Сказал же Владимир немцам: "Идите, откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого". Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: "Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраама, Исаака и Иакова". И спросил Владимир: "Что у вас за закон?". Они же ответили: "Обрезаться, не есть свинины и заячины, соблюдать субботу". Он же спросил: "А где земля ваша?". Они же сказали: "В Иерусалиме". А он спросил: "Точно ли она там?". И ответили: "Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам". Сказал на это Владимир: "Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?".

Затем прислали греки к Владимиру философа, так сказавшего: "Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру; вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содома и Гоморры, на которых напустил Господь горящий камень и затопил их, и потонули, так вот и этих ожидает день погибели их, когда придет Бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверное делающих. Ибо, подмывшись, вливают эту воду в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну, и еще даже бóльшую...". Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: "Нечисто это дело". Сказал же философ: "Слышали мы и

то, что приходили к вам из Рима научить вас вере своей. Вера же их немало от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых Бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: "Сие есть тело мое, ломимое за вас...". Так же и чашу взял и сказал: "Сия есть кровь моя нового завета". Те же, которые не творят этого, неправильно веруют". Сказал же Владимир: "Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого они распяли". Философ ответил: "Воистину веруем в того; их же пророки предсказывали, что родится Бог, а другие – что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их, когда сошел он на землю, был он распят и, воскреснув, взошел на небеса, от них же ожидал Бог покаяния 46 лет, но не покаяться, и тогда послал на них римлян; и разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве". < ... >

И, сказав это, философ показал Владимиру завесу, на которой изображено было судилище Господне, указал ему на праведных справа, в веселии идущих в рай, а грешников слева, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: "Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева". Философ же сказал: "Если хочешь с праведниками справа стать, то крестись". Владимиру же запало это в сердце, и сказал он: "Подожду еще немного", желая разузнать о всех верах. И дал ему Владимир многие дары и отпустил его с честью великою.

В год 6495 (987). Созвал Владимир бояр своих и старцев градских и сказал им: "Вот приходили ко мне болгары, говоря: "Прими закон наш". Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет, и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? Что ответите?". И сказали бояре и старцы: "Знай, князь, что своего никто не бранит, но хва-

лит. Если хочешь поистине все разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, у кого какая служба и кто как служит Богу". И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом 10, и сказали им: "Идите сперва к болгарам и испытайте веру их". Они же отправились, и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: "Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю". Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к царю. Царь же спросил их: "Зачем пришли?". Они же рассказали ему все. Услышав это, царь обрадовался и в тот же день сотворил им почести великие. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: "Пришли русские разузнать о вере нашей, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего". Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила взожгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении Богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цари Василий и Константин, и сказали им: "Идите в землю вашу", и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь бояр своих и старцев, и сказал Владимир: "Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними", – и обратился к послам: "Говорите перед дружиною". Они же сказали: "Ходили в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам, и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах.

Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать". Сказали же бояре: "Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей". И спросил Владимир: "Где примем крещение?". Они же сказали: "Где тебе любо".

И когда прошел год, в 6496 (988) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: "Если не сдадитесь, то простою и три года". Они же не послушались его, Владимир же, изготовив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. И когда насыпали, они, корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю, и носили ее себе в город, и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, написав на ней: "Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока". Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: "Если сбудется это, – сам крещусь!". И тотчас же повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своею и послал к царям Василию и Константину сказать: "Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу". И, услышав это, опечалились цари, и послали ему весть такую: "Не пристало христианам выдавать жен за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное восприимешь, и с нами единовен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя". Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей: "Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи". И рады были цари, услышав это, и упростили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: "Крестись, и тогда пошлем

сестру свою к тебе". Ответил же Владимир: "Пусть пришедшие с сестрою вашею и крестят меня". И послушались цари, и послали сестру свою, савновников и пресвитеров. Она же не хотела идти, говоря: "Иду, как в полон, лучше бы мне здесь умереть". И сказали ей братья: "Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают и нам то же". И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами, и не видел ничего, и скорбел сильно, и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: "Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не сможешь избавиться от недуга своего". Услышав это, Владимир сказал: "Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский". И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тот тотчас же прозрел. Владимир же, ощутив свое внезапное исцеление, прославил Бога: "Теперь узнал я истинного Бога". Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуну посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата – за алтарем. После крещения привели царицу для совершения брака. Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят – в Василеве, а другие и по-иному скажут. <...>

После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные и иконы на благословение себе. Поставил и церковь в Корсуну на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи: стоит церковь та и донныне. Отправляясь, захватил он и двух медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы и про которых невежды думают, что они мраморные. Корсунь

же отдал грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идола – одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью и приставил 12 мужей колотить его палками. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, – чтобы принял он возмездие от людей. "Велик ты, Господи, и чудны дела твои!". Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: "Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его". Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья отмель, как зовется она и до сих пор. Затем послал Владимир по всему городу сказать: "Если не придет кто завтра на реку – будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, – будет мне врагом". Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: "Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре". На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошло там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же, стоя, совершали молитвы. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стеная: "Увы мне! Прогнан я отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не смогу уже царствовать более в этих странах". Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, воззрел на небо и сказал: "Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную

веру, и мне помоги, Господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу". И сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых. <...>

Владимир же был просвещен сам, и сыновья его, и земля его. Было же у него 12 сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове, Когда же умер старший Вышеслав в Новгороде, посадил в нем Ярослава, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Древлянской земле, Всеволода во Владимире, Мстислава в Тмутаракани. И сказал Владимир: "Нехорошо, что мало городов около Киева". И стал ставить города по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей, и ими населил города, так как была война с печенегами. И воевал с ними, и побеждал их.

В год 6497 (989). После этого жил Владимир в христианском законе, и задумал создать церковь пресвятой Богородице, и послал привести мастеров из Греческой земли. И начал ее строить, и, когда кончил строить, украсил ее иконами, и поручил ее Анастасу Корсунянину, и поставил служить в ней корсунских священников, дав ей все, что взял перед этим в Корсуну: иконы, сосуды и кресты.

В год 6499 (991). Владимир заложил город Белгород, и набрал для него людей из иных городов, и свел в него много людей, ибо любил город тот.

В год 6500 (992). Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне Днепра от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода,

где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: "Выпусти ты своего мужа, а я своего – пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года". И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: "Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?". И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж, и сказал ему: "Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками". Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним, и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: "Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, но испытайте меня: нет ли большого и сильного быка?". И нашли быка, большого и сильного, и приказал он разъярить быка; возложили на него раскаленное железо и пустили быка. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: "Можешь с ним бороться". На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: "Где же муж? Вот наш готов!". Владимир повелел в ту же ночь облечься в доспехи, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И измерили место между обоими войсками, и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. И кликнули наши, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир ве-

ликим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

В год 6502 (994). В год 6503 (995).

В год 6504 (996). Увидел Владимир, что церковь построена, вошел в нее и помолился Богу, говоря так: "Господи Боже! Взгляни с неба и воззри. И посети сад свой. И сверши то, что насадила десница твоя, – новых людей этих, сердце которых ты обратил к истине познать тебя, Бога истинного. Взгляни на церковь твою, которую создал я, недостойный раб твой, во имя родившей тебя матери приснодевы Богородицы. Если кто будет молиться в церкви этой, то услышь молитву его, ради молитвы пречистой Богородицы". И, помолившись Богу, сказал он так: "Даю церкви этой святой Богородицы десятую часть от богатств моих и моих городов". И уставил так, написав завет в церкви этой, сказав: "Если кто отменит это, – да будет проклят". И дал десятую часть Анастасу Корсунянину. И устроил в тот день праздник великий боярам и старцам градским, а бедным роздал много богатства.

После этого пришли печенегы к Василеву, и вышел против них Владимир с небольшою дружиною. И сошлись, и не смог устоять против них Владимир, побежал и стал под мостом, едва укрывшись от врагов. И дал тогда Владимир обещание поставить церковь в Василеве во имя святого Преображения, ибо было в тот день, когда произошла та сеча, Преображение Господне. Избегнув опасности, Владимир построил церковь и устроил великое празднование, наварив меду 300 мер. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов и всяких людей много, и роздал бедным 300 гривен. Праздновал князь восемь дней, и возвратился в Киев в день Успенья святой Богородицы, и здесь вновь устроил великое празднование, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же, что люди его – христиане, радовался душой и телом. И так делал постоянно.<...>

Владимир повелел исковать серебряные ложки, сказав так: "Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра". Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о

войне, и о законах страны, и жил в мире с окрестными князьями – с Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андрихом Чешским. И были между ними мир и любовь. Владимир же жил в страхе Божьем. И сильно умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: "Вот умножились разбойники; почему не казнишь их?". Он же ответил: "Боюсь греха". Они же сказали ему: "Ты поставлен Богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе казнить разбойников, но расследовав". Владимир же отверг виры^{*} и начал казнить разбойников, и сказали епископы и старцы: "Войн много у нас; если бы была у нас вира, то пошла бы она на оружие и на коней". И сказал Владимир: "Пусть так". И жил Владимир по заветам отца и деда. <...>

В год 6522 (1014). Когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав не давал этого в Киев отцу своему. И сказал Владимир: "Расчищайте пути и мостите мосты", ибо хотел идти войною на Ярослава, на сына своего, но разболелся.

В год 6523 (1015). Когда Владимир собрался идти против Ярослава, Ярослав, послав за море, привел варягов, так как боялся отца своего; но Бог не дал дьяволу радости. Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис. Между тем печенеги пошли походом на Русь, Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день. Умер он на Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковер и спустили веревками на землю; затем, возложив его на сани, отвезли и поставили в церкви святой Богородицы, которую сам когда-то построил. Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нем – бояре как по заступнике страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе. И положили его в гроб мраморный, похоронили тело его, блаженного князя, с плачем. <...>

^{*} Вира – штраф, которым облагался совершивший преступление

Об убиении Бориса. Святополк сел в Киеве по смерти отца своего, и созвал киевлян, и стал давать им дары. Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом. Когда Борис уже возвратился с войском назад, не найдя печенегов, пришла к нему весть: "Отец у тебя умер". И плакался по отцу горько, потому что любим был отцом больше всех, и остановился, дойдя до Альты. Сказала же ему дружина отцовская: "Вот у тебя отцовская дружина и войско. Пойди, сядь в Киеве на отцовском столе". Он же отвечал: "Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца". Услышав это, воины разошлись от него. Борис же остался стоять с одними своими отроками. Между тем Святополк, исполнившись беззакония, воспринял мысль Каинову и послал сказать Борису: "Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к полученному от отца владению", но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: "Преданы ли вы мне всем сердцем?". Отвечали же Путша с вышгородцами: "Согласны головы свои сложить за тебя". Тогда он сказал им: "Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса". Те же обещали ему немедленно исполнить это. О таких сказал Соломон: "Спешат они на несправедное пролитие крови. Ибо принимают они участие в пролитии крови и навлекают на себя несчастья. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, ибо нечестием изымают свою душу". Посланные же пришли на Альту ночью, и когда подступили ближе, то услышали, что Борис поет заутреню, так как пришла ему уже весть, что собираются погубить его. И, встав, начал он петь: "Господи! За что умножились враги мои! Многие восстают на меня"; и еще: "Ибо стрелы твои вонзились в меня; ибо я готов к бедам, и скорбь моя предо мною"; и еще говорил он: "Господи! Услышь молитву мою и не входи в суд с рабом твоим, потому что не оправдается пред тобой никто из живущих, так как преследует враг душу мою". И, окончив шестопсалмие и увидев, что пришли посланные убить его, начал петь псалмы: "Обступили меня тельцы тучные... Скопище злых обступило меня"; "Господи, Боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонителей моих избавь меня". Затем начал он петь канон. А затем, кончив заутреню, помолился и сказал так, смотря на икону, на образ Владыки: "Господи

Иисусе Христе! Как ты в этом образе явился на землю ради нашего спасения, собственною волею дав пригвоздить руки свои на кресте, и принял страдание за наши грехи, так и меня сподобь принять страдание. Я же не от врагов принимаю это страдание, но от своего же брата, и не вмени ему, Господи, это в грех". И, помолившись Богу, возлег на постель свою. И вот напали на него, как звери дикие, обступив шатер, и проткнули его копьями, и пронзили Бориса и слугу его, прикрывшего его своим телом, пронзили. Был же он любим Борисом. Был отрок этот родом венгр, по имени Георгий; Борис его сильно любил, и возложил он на него гривну золотую большую, в которой он и служил ему. Убили они и многих других отроков Бориса. С Георгия же с этого не могли они быстро снять гривну с шеи, и отсекли голову его, и только тогда сняли гривну, а голову отбросили прочь; поэтому-то впоследствии и не обрели тела его среди трупов. Убив же Бориса, окаянные завернули его в шатер, положив на телегу, повезли, еще дышавшего. Святополк же окаянный, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его. Когда те пришли и увидели, что он еще жив, то один из них извлек меч и пронзил его в сердце. И так скончался блаженный Борис, приняв с другими праведниками венец вечной жизни от Христа Бога, сравнившись с пророками и апостолами, пребывая с сонмом мучеников, почивая на лоне Авраама, видя неизреченную радость, распевая с ангелами и в веселии пребывая со всеми святыми. И положили тело его в церкви Василия, тайно принеся его в Вышгород. Окаянные же те убийцы пришли к Святополку, точно хвалу заслужившие, беззаконники, Вот имена этих законопреступников: Путша, Талец, Еловит, Ляшко, а отец им всем сатана. Ибо такие слуги подобны бесам: бесы ведь посылаются на злое, ангелы же посылаются для добрых дел. Ангелы ведь не творят человеку зла, но добра ему желают постоянно, особенно же помогают христианам и защищают их от супостата-дьявола; а бесы побуждают человека на зло, завидуя ему; и так как видят, что человек от Бога в чести, – потому и завидуют и скоры на совершение зла. Злой человек, усердствуя злему делу, хуже беса, ибо бесы Бога боятся, а злой человек ни Бога не боится, ни людей не стыдится; бесы ведь и креста Господня боятся, а человек злой и креста не боится.

Святополк же окаянный стал думать: "Вот убил я Бориса; как бы убить Глеба?". И, замыслив Каиново дело, послал, обманывая, гонца к Глебу, говоря так: "Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет: сильно он болен". Глеб тотчас же сел на коня и отправился с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. И когда пришел он на Волгу, то в поле споткнулся конь его на рытвине, и повредил Глеб себе немного ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска недалеко, и стал на Смядыне в насаде^{*}. В это же время пришла от Предславы весть к Ярославу о смерти отца и послал Ярослав сказать Глебу: "Не ходи: отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком". Услыхав это, Глеб громко возопил со слезами, плачась по отце, но еще больше по брате, и стал молиться со слезами, говоря так: "Увы мне, Господи! Лучше было бы мне умереть с братом, нежели жить на свете этом. Если бы видел я, брат мой, лицо твое ангельское, то умер бы с тобою: ныне же зачем остался я один? Где речи твои, что говорил ты мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу твоего наставления. Если доходят молитвы твои к Богу, то помолись обо мне, чтобы и я принял ту же мученическую кончину. Лучше бы было мне умереть с тобою, чем жить на этом полном лжи свете". И когда он так молился со слезами, внезапно пришли посланные Святополком погубить Глеба. И тут вдруг захватили посланные корабль Глебов, и обнажили оружие. Отроки же Глебовы пали духом. Окаянный же Горясер, один из посланных, велел тотчас же зарезать Глеба. Повар же Глеба, именем Торчин, вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка. Так был принесен он в жертву Богу, вместо благоуханного фимиама жертва разумная, и принял венец царствия Божия, войдя в небесные обители, и увидел там желанного брата своего, и радовался с ним неизреченною радостью, которой удостоились они за свое братолюбие. "Как хорошо и как прекрасно жить братьям вместе!". Окаянные же возвратились назад, как сказал Давид: "Да возвратятся грешники в ад". Когда же они пришли, сказали Святополку: "Сделали приказанное тобою". Он же, услышав это, возгордился еще больше, не ведая, что Давид сказал: "Что хвалишься злодейством, сильный? Весь день беззаконие... умышляет язык твой".

^{*} Смядынь – река в Смоленской области;
насад – боевое судно с приподнятой носовой частью корпуса.

Итак, Глеб был убит, и был он брошен на берегу между двумя колодами, затем же, взяв его, увезли и положили его рядом с братом его Борисом в церкви святого Василия.

И соединились они телами, а сверх того и душами, пребывая у Владыки, Царя всех, в радости бесконечной, в свете неизреченном и подавая дары исцеления Русской земле и всех приходящих с верою из иных стран исцеляя: хромым давая ходить, слепым давая прозрение, болящим выздоровление, закованным освобождение, темницам отвержение, печальным утешение, гонимым избавление. Заступники они за Русскую землю, светильники сияющие и вечно молящиеся Владыке о своих людях. <...>

Святополк же окаянный и злой убил Святослава, послав к нему к горе Угорской, когда тот бежал в Угры. И стал Святополк думать: "Перебью всех своих братьев и стану один владеть Русскою землею". Так думал он в гордости своей, не зная, что "Бог дает власть кому хочет, ибо поставляет Всевышний цесаря и князя, каких захочет дать". Если же какая-нибудь страна станет угодной Богу, то ставит ей Бог цесаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и дарует властителя и судью, судящего суд. Ибо если князья справедливы в стране, то много согрешений прощется стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло насылает Бог на страну ту, потому что князь – глава земли. < ... >

Святополк же окаянный стал княжить в Киеве. Созвав людей, стал он им давать кому плащи, а другим деньгами, и роздал много богатства. Когда Ярослав не знал еще об отцовской смерти, было у него множество варягов, и творили они насилие новгородцам и женам их. Новгородцы восстали и перебили варягов во дворе Поромоньем. И разгневался Ярослав, и пошел в село Ракомо, сел там во дворе. И послал к новгородцам сказать: "Мне уже тех не воскресить". И призвал к себе лучших мужей, которые перебили варягов, и, обманув их, перебил. В ту же ночь пришла ему весть из Киева от сестры его Предславы: "Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, а на Глеба послал, берегись его очень". Услышав это, печален был Ярослав и об отце, и о братьях, и о дружине. На другой день, собрав остаток новгородцев, сказал Ярослав: "О милая моя дружина, которую я вчера перебил, а сегодня она оказалась нужна". Утер слезы и обратился к ним на вече: "Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и убивает

братьев своих". И сказали новгородцы: "Хотя, князь, и иссечены братья наши, – можем за тебя бороться!". И собрал Ярослав тысячу варягов, а других воинов 40 000, и пошел на Святополка, призвав Бога в свидетели своей правды и сказав: "Не я начал избивать братьев моих, но он; да будет Бог мстителем за кровь братьев моих, потому что без вины пролил он праведную кровь Бориса и Глеба. Или же и мне то же сделать? Рассуди меня, Господи, по правде, да прекратятся злодеяния грешного". И пошел на Святополка. Услышав же, что Ярослав идет, Святополк собрал бесчисленное количество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу на тот берег Днепра, а Ярослав был на этом.

Начало княжения Ярослава в Киеве. В год 6524 (1016). Пришел Ярослав на Святополка, и стали по обе стороны Днепра, и не решались ни эти на тех, ни те на этих, и стояли так три месяца друг против друга. И стал воевода Святополка, разъезжая по берегу, укорять новгородцев, говоря: "Что пришли с хромцом этим? Вы ведь плотники. Поставим вас хоромы наши рубить!". Слыша это, сказали новгородцы Ярославу, что "завтра мы переправимся к нему; если кто не пойдет с нами, сами нападем на него". Наступили уже заморозки, Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиной своей. Ярослав же с утра, исполчив дружину свою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, оттолкнули ладьи от берега, и пошли друг против друга, и сошлись в схватке. Была сеча жестокая, и не могли из-за озера печенеги помочь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили на лед, и подломился под ними лед, и стал одолевать Ярослав, видев же это, Святополк побежал, и одолел Ярослав. Святополк же бежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском. И было тогда Ярославу двадцать восемь лет. < ... >

В год 6532 (1024). Когда Ярослав был в Новгороде, пришел Мстислав из Тмутаракани в Киев, и не приняли его киевляне. Он же пошел и сел на столе в Чернигове; Ярослав же был тогда в Новгороде. В тот же год восстали волхвы в Суздале; по дьявольскому наущению и бесовскому действию избивали старшую чадь, говоря, что они держат запасы. Был мятеж великий и голод по всей той стране; и пошли по Волге все люди к болгарам, и привезли хлеба, и так ожили. Ярослав же, услышав о волхвах, пришел в Суздаль; захватив волхвов, одних изгнал, а других казнил, говоря

так: "Бог за грехи посылает на всякую страну голод, или мор, или засуху, или иную казнь, человек же не знает, за что". И, возвратившись, пришел Ярослав в Новгород, и послал за море за варягами. И пришел Якун с варягами, и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан. И пришел к Ярославу, и пошел Ярослав с Якуном на Мстислава. Мстислав же, услышав, вышел против них к Листвену. Мстислав же с вечера исполчил дружину и поставил северян прямо против варягов, а сам стал с дружиною своею по обеим сторонам. И наступила ночь, была тьма, молния, гром и дождь. И сказал Мстислав дружине своей: "Пойдем на них". И пошли Мстислав и Ярослав друг на друга, и схватилась дружина северян с варягами, и трудились варяги, рубя северян, и затем двинулся Мстислав с дружиною своею и стал рубить варягов. И была сеча сильна, и когда сверкала молния, блистало оружие, и была гроза велика и сеча сильна и страшна. И когда увидел Ярослав, что терпит поражение, побежал с Якуном, князем варяжским, и Якун тут потерял свой плащ золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун ушел за море. Мстислав же чуть свет, увидев лежащими посеченных своих северян и Ярославовых варягов, сказал: "Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела". И послал Мстислав за Ярославом, говоря: "Садись в своем Киеве: ты старший брат, а мне пусть будет эта сторона Днепра". И не решился Ярослав идти в Киев, пока не помирились. И сидел Мстислав в Чернигове, а Ярослав в Новгороде, и были в Киеве мужи Ярослава. В тот же год родился у Ярослава еще сын, и нарек имя ему Изяслав.

В год 6534 (1026). Ярослав собрал воинов многих, и пришел в Киев, и заключил мир с братом своим Мстиславом у Городца. И разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту. И начали жить мирно и в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране.<...>

В год 6544 (1036). Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер. И положили его в церкви святого Спаса, которую сам заложил; были ведь при нем выведены стены ее в высоту, сколько можно, стоя на коне, достать рукою. Был же Мстислав могуч телом, красив лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей. После того завладел

всем его владением Ярослав и стал самовластцем в Русской земле. Пошел Ярослав в Новгород и посадил сына своего Владимира в Новгороде, а епископом поставил Жидяту. В это время родился у Ярослава сын, нарекли имя ему Вячеслав. Когда Ярослав был в Новгороде, пришла к нему весть, что печенеги осадили Киев. Ярослав собрал воинов многих, варягов и словен, пришел к Киеву и вошел в город свой. А было печенегов без числа. Ярослав выступил из города, и исполнил дружину, и поставил варягов по середине, а на правой стороне – киевлян, а на левом крыле – новгородцев; и стал пред градом. Печенеги пошли на приступ и схватились на месте, где стоит ныне святая София, митрополия русская: было здесь тогда поле вне града. И была сеча жестокая, и едва к вечеру одолел Ярослав. И побежали печенеги врассыпную, и не знали, куда бежать, одни, убегая, тонули в Сетомли, иные же в других реках, а остаток их бегают где-то и до сего дня. В тот же год посадил Ярослав брата своего Судислава в темницу во Пскове – был тот оклеветан перед ним.

В год 6545 (1037). Заложил Ярослав город великий, у того же града Золотые ворота; заложил и церковь святой Софии, митрополию, и затем церковь на Золотых воротах – святой Богородицы Благовещения, затем монастырь святого Георгия и святой Ирины. И стала при нем вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы стали умножаться, и монастыри появляться. И любил Ярослав церковные уставы, попов любил немало, особенно же черноризцев, и книги любил, читая их часто и ночью и днем. И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество, ими же поучаются верующие люди и наслаждаются учением божественным. Как если один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую, – так и этот. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное.<...>

В год 6559 (1051). Поставил Ярослав Илариона митрополитом, русского родом, в святой Софии, собрав епископов.

А теперь скажем, почему назван так Печерский монастырь. Боголюбивый князь Ярослав любил село Берестовое и церковь, которая была там, святых апостолов и помогал попам многим, среди которых был пресвитер,

именем Иларион, муж благостный, книжный и постник. И ходил он из Берестового на Днепр, на холм, где ныне находится старый монастырь Печерский, и там молитву творил, ибо был там лес великий. Выкопал он пещерку малую, двухсаженную, и, приходя из Берестового, пел там церковные часы и молился Богу втайне. Затем Бог положил князю мысль на сердце поставить его митрополитом в святой Софии, а пещерка эта так и возникла. И немного дней спустя оказался некий человек, мирянин из города Любеча, и положил ему Бог мысль на сердце идти странничать. И направился он на Святую Гору, и увидел там монастыри, и обошел их, полюбив монашество, и пришел в один монастырь, и умолил игумена, чтобы постриг его в монахи. Тот послушал, постриг его, дал ему имя Антоний, наставив и научив, как жить по-чернечески, и сказал ему: "Иди снова на Русь, и да будет на тебе благословение Святой Горы, ибо от тебя многие станут чернецами". Благословил его и отпустил, сказав ему: "Иди с миром". Антоний же пришел в Киев и стал думать, где бы поселиться; и ходил по монастырям, и не возлюбил их, так как Бог не хотел того. И стал ходить по дебрям и горам, ища места, которое бы ему указал Бог. И пришел на холм, где Иларион выкопал пещерку, и возлюбил место то, и поселился в ней, и стал молиться Богу со слезами, говоря: "Господи! Укрепи меня в месте этом, и да будет здесь благословение Святой Горы и моего игумена, который меня постриг". И стал жить тут, молясь Богу, питаясь хлебом сухим, и то через день, и воды испивая в меру, копая пещеру и не давая себе покоя днем и ночью, пребывая в трудах, в бдении и в молитвах. Потом узнали добрые люди и приходили к нему, принося все, что ему требовалось. И прослыл он как великий Антоний: приходя к нему, просили у него благословения. После же, когда преставился великий князь Ярослав, — приял власть сын его Изяслав и сел в Киеве. Антоний же прославлен был в Русской земле; Изяслав, узнав о святой жизни его, пришел с дружиною своею, прося у него благословения и молитвы. И ведом стал всем великий Антоний и чтим всеми, и стала приходиться к нему братия, и начал он принимать и постригать их, и собралось к нему братии числом 12, и ископали пещеру великую, и церковь, и кельи, которые и до сего дня еще существуют в пещере под старым монастырем. <...>

В год 6562 (1054). Преставился великий князь русский Ярослав. Еще при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им: "Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайте его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск". И так разделил между ними города, запретив им переступать пределы других братьев и изгонять их, и сказал Изяславу: "Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают". И так наставлял сыновей своих жить в любви. Сам уже он был болен тогда и, приехав в Вышгород, сильно расхворался. Изяслав тогда был... а Святослав во Владимире. Всеволод же был тогда при отце, ибо любил его отец больше всех братьев и держал его всегда при себе. И приспел конец жизни Ярослава, и отдал душу свою Богу в первую субботу поста святого Федора. Всеволод же обрядил тело отца своего, возложив на сани, повез его в Киев, а попы пели положенные песнопения. Плакали по нем люди; и, принеся, положили его в гроб мраморный в церкви святой Софии. И плакали по нем Всеволод и весь народ, Жил же он всех лет семьдесят шесть.

Начало княжения Изяслава в Киеве. Придя, сел Изяслав на столе в Киеве, Святослав же в Чернигове, Всеволод в Переяславле, Игорь во Владимире, Вячеслав в Смоленске. <...>

Народное Восстание в Киеве, 1113 г. Преставился благоверный князь Михаил, которого звали Святополком*, апреля 16... Княгиня же его щедро наделила монастыри, и попов, и убогих на удивление всем людям... На другой же день, 17 апреля, киевляне устроили совет послали к Владимиру (Мономаху), говоря: "Пойди, князь, на стол отцовский и дедовский". Услышав это, Владимир много плакал и не пошел (в Киев), горя по брате. Киевляне же разграбили двор Путяты тысяцкого, напали на иудеев, разграбили их имущество. И послали киевляне к Владимиру, говоря:

* Святополк княжил в Киеве в 1093 – 1113 гг.

"Пойди, князь, в Киев; если же не пойдешь, то знай, что много зла произойдет, это не только Путятин двор, или сотских, или иудеев пограбят, а еще нападут на невестку твою, и на бояр, и на монастыри, и будешь ты ответ держать, князь, если разграбят и монастыри". Услышав это, Владимир отправился в Киев. <...>

Печатается в переводе по изданию Повести временных лет. – М., 1950. – Ч.1.

Русская Правда в краткой редакции

1. Убьет муж мужа, то мстит брат за брата, или сын за отца, или сын брата, или сын сестры; если не будет никто мстить, то 40 гривен за убитого.

Если убитый – русин, или гридин, или купец, или ябедник, или мечник, или же изгой, или Словении, то 40 гривен уплатить за него.

2. Если кто будет избит до крови или до синяков, то ему не надо искать свидетеля, если же не будет на нем никаких следов (побоев), то пусть приведет свидетеля, а если он не может (привести свидетеля), то делу конец. Если (потерпевший) не может отомстить за себя, то пусть возьмет с виновного за обиду 3 гривны, и плату лекарю.

3. Если кто кого-либо ударит палкой, жердью, ладонью, чашей, рогом или тылом оружия, платить 12 гривен. Если потерпевший не настигнет того (обидчика), то платить, и этим дело кончается.

4. Если ударить мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью меча, то 12 гривен за обиду.

5. Если же ударит по руке, и отпадет рука, или отсохнет, то 40 гривен, а если (ударит по ноге), а нога останется цела, но начнет хромать, тогда мстят дети (потерпевшего).

6. Если кто отсечет какой-либо палец, то платит 3 гривны за обиду.

7. А за усы 12 гривен, за бороду 12 гривен.

8. Если кто вынет меч, а не ударит, то тот платит гривну.

9. Если пихнет муж мужа от себя или к себе – 3 гривны, – если на суд приведет двух свидетелей. А если это будет варяг или колбяг, то идет к присяге.

10. Если холоп бежит и скроется у варяга или у колбяга, а они его в течение трех дней не выведут, а обнаружат на третий день, то господину отобрать своего холопа, а 3 гривны за обиду.

11. Если кто поедет на чужом коне без спросу, то уплатить 3 гривны.
12. Если кто возмет чужого коня, оружие или одежду, а владелец опознает пропавшего в своей общине, то ему взять свое, а 3 гривны за обиду.
13. Если кто опознает у кого-либо (свою пропавшую вещь), то ее не берет, не говори ему – это мое, но скажи ему так: пойди на свод, где ты ее взял. Если тот не пойдет, то пусть (представит) поручителя в течение 5 дней.
14. Если кто будет взыскивать с другого деньги, а тот станет отказываться, то идти ему на суд 12 человек. И если он, обманывая, не отдавал, то истцу можно (взять) свои деньги, а за обиду 3 гривны.
15. Если кто, опознав холопа, захочет его взять, то господину холопа вести к тому, у кого холоп был куплен, а тот пусть ведет к другому продавцу, и когда дойдет до третьего, то скажи третьему: отдай мне своего холопа, а ты ищи своих денег при свидетеле.
16. Если холоп ударит свободного мужа и убежит в хоромы своего господина и тот начнет его не выдавать, то холопа взять и господин платит за него 12 гривен, а затем, где холопа застанет тот ударенный человек, пусть бьет его.
17. А если кто сломает копьё, щит или испортит одежду, и испортивший захочет удержать у себя, то взять с него деньгами; а если тот, кто испортил, начнет настаивать (на возвращении испорченной вещи), платить деньгами, сколько стоит вещь.
18. Если убьют огнищанина умышленно, то убийце платить за него 80 гривен, а люди не платят; а за княжеского подъездного 80 гривен.
19. А если убьют огнищанина по-разбойничьи, а убийцу люди не ищут, то виру платит та вервь, где найден убитый.
20. Если убьют огнищанина у клетки, у коня, или у стада, или во время кражи коровы, то убить его, как пса; тот же закон и для тиуна.
21. А за княжеского тиуна 80 гривен, а за старшего конюха при стаде также 80 гривен, как постановил Изяслав, когда дорогобужцы убили его конюха.
22. За княжеского сельского старосту или за полевого старосту платить 12 гривен, а за княжеского рядовича 5 гривен.
23. А за убитого смерда или холопа 5 гривен.
24. Если убита рабыня-кормилица или кормилец, то 12 гривен.

25. А за княжеского коня, если тот с пятном, 3 гривны, а за коня смерда 2 гривны.

26. За кобылу 60 резан, за вола гривну, за корову 40 резан, за трехлетнюю корову 15 кун, за годовалую полгривны, за теленка 5 резан, за ягненка ногата, за барана ногата.

27. А если уведет чужого раба или рабыню, то он платит за обиду 12 гривен.

28. Если придет муж в крови или в синяках, то ему не надо искать свидетеля.

29. А кто украдет коня или вола, или обкрадет клеть, если он был один, то он платит гривну и 30 резан; если же их было и 10, то каждый из них платит по 3 гривны и по 30 резан.

30. А за княжескую борть 3 гривны, если выжгут или разломают.

31. За истязание смерда, без княжеского повеления, за обиду 3 гривны.

32. А за огнищанина, тиуна или мечника 12 гривен.

33. А кто распашет полевою межу или испортит межевой знак, то за обиду 12 гривен.

34. А кто украдет ладью, то за ладью платить 30 резан (владельцу) и 60 резан продажи.

35. А за голубя и курицу 9 кун.

36. А за утку, гуся, журавля и за лебедя платить 30 резан, а 60 резан продажи.

37. А если украдут чужого пса, или ястреба, или сокола, то за обиду 3 гривны.

38. Если убьют вора на своем дворе, или у клетки, или у хлева, то тот убит, если же вора додержат до рассвета, то привести его на княжеский двор, а если его убьют, а люди видели вора связанным, то платить за него.

39. Если украдут сено, то платить 9 кун, а за дрова 9 кун.

40. Если украдут овцу, или козу, или свинью, а 10 воров одну овцу украли, пусть каждый уплатит по 60 резан продажи.

41. А тот, кто схватил вора, получает 10 резан, от 3 гривен мечнику 15 кун, за десятину 15 кун, а князю 3 гривны. А из 12 гривен поймавшему вора 70 кун, а в десятину 2 гривны, а князю 10 гривен.

42. А вот вирный устав: вирнику взять на неделю 7 ведер солоду, также барана или полтуши мяса, или 2 ногаты, а в среду резану за три сыра, в пятницу так же; а хлеба и пшена, сколько смогут съесть, а кур по две на день. А 4 коня поставить и давать им корма сколько смогут съесть. А вирнику взять 60 гривен и 10 резан и 12 вевериц, а сперва гривну. А если случится пост – давать вирнику рыбу, и взять ему за рыбу 7 резан. Всех тех денег 15 кун за неделю, а муки давать сколько смогут съесть, пока вирники соберут виры. Вот тебе устав Ярослава.

43. А вот устав мостникам: если замостят мост, то брать за работу ногату, а от каждого устоя моста по ногате; если же ветхий мост починить несколькими досками, 3-мя, 4-мя или 5-ю, то также.

Печатается в сокращении по кн. М.Н. Тихомирова «Пособие по изучению Русской Правды» (М., 1953. С. 75 – 86)

Пространная редакция Русской Правды (по Троицкому списку второй половины XV в.)

Суд Ярослава Владимеричь, Правда Руськая

1. Убьет муж мужа, то мстит брат за брата, или сын за отца, или двоюродный брат, или племянник; если не будет никто мстить, то 80 гривен за убитого, если будет княжеский муж или княжеский управитель; если будет русин, или гридь, или купец, или боярский управитель, или мечник, или изгой, или словенин, то 40 гривен за убитого.

2. После смерти Ярослава еще раз собрались сыновья его Изяслав, Святослав и Всеволод и их мужи Коснячко, Перенег, Никифор и заменили кровную месть денежным штрафом; а все остальное сыновья его установили, как судил Ярослав.

О убийстве

3. Аже кто убьет княжа мужа¹ в разбои, а головника² не ищут, то вивревную³ платити, в чьей же верви⁴ голова лежит, то 80 гривен; паки ли людин⁵, то 40 гривенъ.

¹ Княж муж – княжеский слуга, дружинник, феодал.

² Головник – убийца.

³ Вивревная (от слова вира) – денежная пеня в пользу князя за убийство свободного человека.

⁴ Вревь – соседская территориальная община; производное от слова "веревка", с помощью которой отмеряли участки пахотной земли в пользование членам верви.

⁵ Людин – простолудин, простой свободный сельчанин или горожанин.

Перевод. Если кто убьет княжеского мужа, как разбойник, а (члены верви) убийцу не ищут, то виру за него в размере 80 гривен платить той верви, на земле которой будет обнаружен убитый; в случае убийства людина платить виру (князю) в 40 гривен.

Наряду с "продажами" (см. ниже) виру были примитивной формой "налога" в пользу "публичной власти" князей. За убийство княжеских мужей назначается двойная вира. Расправа с ними и нежелание членов верви выдать своего общинника-убийцу феодалу говорит об обострении классовой борьбы в Киевской Руси.

4. Которая ли вервь начнете платити дикую и, колико леть заплатити ту виру, зане же безъ головника имъ платити. Будеть ли головникъ ихъ въ верви, то зань к нимъ прикладываетъ, того же деля имъ помагати головнику, любо си дикую виру⁶; но сплати имъ во обчи 40 гривень, а головничество самому головнику; а въ 40 гривень ему заплатити ис дружины свою часть. Но оже будетъ убиль или въ сваде⁷ или в пиру явлено, то тако ему платити по верви ныне, иже ся прикладываютъ вирую.

Перевод. Если вервь начнет платить дикую виру (когда убийца не обнаружен), то ей предоставляется рассрочка на несколько лет, потому что им (членам верви) приходится расплачиваться без убийцы. Но если убийца находится в верви, то она должна помочь ему, так как он вкладывает свою долю в дикую виру. Но платить им (членам верви) общими силами только 40 гривен, а головничество платить самому убийце, внося свою часть и в уплачиваемые вервью 40 гривен. Но так платить по верви, если в ней вкладываются в (общую) виру, в тех случаях, когда виновный убил (человека) в ссоре (драке) или открыто в пиру.

Дикая вира платилась вервью в случаях: а) когда убийца не найден или община не захотела его выдать; б) непреднамеренного убийства в драке, на пиру. Обычай свидетельствует, с одной стороны, о еще прочных связях внутри верви между ее членами, защищающими себя складчиной на непредвиденные случаи, грозящие верви разорением (на 80 гривен можно было купить 40 лошадей – это огромная сумма, см. ниже). С другой стороны, статья говорит об имущественном расслоении внутри верви, ведении ее членами собственного хозяйства, дающего средства для "прикладывания" к дикой виро.

⁶ Дикая вира – общая, уплачиваемая коллективно; от слов "дикий" или "дивий" в смысле "общий, никому не принадлежащий" (ср. "дикий мед", "дикое поле", "дикий зверь" и пр.).

⁷ Свада – ссора, столкновение, драка, вражда.

Оже станеть без вины на разбои

5. Будете ли сталь на разбои безъ всякое свады, то за разбойника люди не платать, но выдадять и всего съ женою и с детми на поток⁸ и на разграбление.

Перевод. Если кто станет на разбой без повода. Кто же стал на разбой без свады, убил человека умышленно, по-разбойничьи, то люди за него не платят, но должны выдать его с женой и детьми на поток и на разграбление.

Люди (ср. в ст. 3 "людин") – члены верви – не отвечают материально за предумышленное убийство, но обязаны выдать убийцу с женой и детьми князю под арест с конфискацией всего имущества. Жестокость кары, распространявшейся не только на самого преступника, но и на членов его семьи, объясняется тем, что с участвовавших в разбое "людей" князь переставал получать доход.

6. Аже кто не вложиться в дикую веру, тому людье не помогают, но самъ платить.

Перевод. Если кто (из членов верви) не внесет свою долю в дикую виру, тому люди не должны помогать, но он сам платит.

Другое свидетельство имущественного расслоения внутри верви: не "вкладывались" в дикую виру либо люди состоятельные, либо неимущие. Но здесь видна и кара уклоняющемуся от взноса в интересах обеспечения княжеских доходов.

7. А се покони вирнии⁹ были при Ярославе: вирнику взяти 7 ведерь солоду¹⁰ на неделю, же овень, любо полог¹¹, любо 2 ногате¹²; а в середу

⁸ Поток (от поточити, заточити) – арест, ссылка.

⁹ Покон вирный – правила, устав для сборщика вир и других поборов в пользу князя.

¹⁰ Солод – проросшее зерно, засушенное и смолотое, для изготовления пива или кваса. Солодкий – сладкий, вкусный. В этом тексте – уже готовый напиток в ведрах.

¹¹ Полоть – туша мяса, говядины или свинины.

¹² Ногата – денежная единица, 1/20 гривны.

куна¹³ же сыр, а в пятницу тако же; а курь по двою ему на день; а хлебовъ 7 на неделю; а пшена 7 уборковъ¹⁴, а гороху 7 уборковъ, а соли 7 голважень; то то вирнику со отрокомъ¹⁵; а кони 4, конемъ на ротъ сути овесь; вирнику 8 гривень, а 10 кунъ перекладная¹⁶, а метелнику¹⁷ 12 векшии¹⁸, а съсадная гривна. Аже будетъ вира во 80 гривень; то вирнику 16 гривень и 10 кунъ и 12 векши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны.

Перевод. Таков устав вирнику князя Ярослава: вирник (находясь на территории общины) имеет право взять 7 ведер солоду на неделю, барана или тушу говядины, или (вместо них) 2 ногаты деньгами, а по средам и пятницам куну денег и сыр; кур ему брать по две на день, хлебов 7 на неделю, а пшена и гороха по 7 уборков, а соли 7 голважен – все это ему вместе с отроком; поставить ему 4 коня, а кормить их овсом (досыта); (при вире в 40 гривен) вирник берет себе 8 гривен и 10 кун перекладной (пошлины), а метельник 12 векш, при выезде гривну, а если будет взиматься вира в 80 гривен, то вирник получает 16 гривен 10 кун и 12 векш, а при выезде гривну, за каждого убитого 3 гривны.

Вместе с судебными пошлинами княжеская власть узурпирует древние судебные права свободных общинников и вводит княжеский суд. Вирник и сопровождавший его отрок-(или отроки) творит в общине суд и расправу и взывает в пользу князя виры и продажи (по делам, не связанным с убийством), получая часть денег и в свою пользу. Кроме того, община обязана по закону содержать вирника и отрока, кормить их и их лошадей. Такие наезды становятся регулярными и свидетельствуют об усилении княжеской власти и суда.

<...>

¹³ Куна – денежная единица и основа денежной системы древней Руси. Название происходит от слова "куница", шкурки которой одно время служили на Руси денежной единицей.

¹⁴ Уборок, голважень – меры сыпучих тел; объем их не известен.

¹⁵ Отрок – княжеский дружинник.

¹⁶ Перекладная, ссадная – деньги, уплачиваемые вирнику при въезде и выезде с территории общины.

¹⁷ Метельник ("мятельник" – от одежды в виде мантии – "мятля") – княжеский дружинник, сопровождавший вирника.

¹⁸ Векша – белка, беличий мех; мелкая денежная единица.

О княжи муже

9. Аже въ княжи отроци, или в конюсе, или в поваре, то 40 гривень.

Перевод. За убийство княжеских отрока, конюха или повара платить 40 гривен.

10. А за тивунъ¹⁹ за огнищный, и за конюший, то 80 гривень.

Перевод. За убийство тиуна огнищного или конюшего платить 80 гривен.

11. А в сельскомъ тивуне княже или в ратаинемъ, то 12 гривень. А за рядовича²⁰ 5 гривень. Тако же и за боярескъ.

Перевод. А за сельского или пахотного тиуна платить 12 гривен. А за рядовича 5 гривен. Также и за боярских.

Сельский (или посольский) тиун ведал княжескими (и боярскими) селами и всеми сельскохозяйственными угодьями феодала; ратайный тиун (от слова ратай – пахарь) – лицо, ведавшее пахотными работами.

12. А за ремесвеника и за ремесвеницю, то 12 гривень.

Ремесленники работают в усадьбе феодала как зависимые люди: жизнь их оценивается выше, чем цена рядовича или "смердьего холопа" (см. ст. 13), не обладающих искусством того или иного ремесла, но ниже, чем жизнь свободного общинника ("людина").

13. А за смердии холопъ²¹ 5 гривень, а за робу²² 6 гривень.

Перевод. А за смердьего холопа платить 5 гривен, а за робу 6 гривен.

Роба стоит больше, поскольку дает феодалу "приплод". Такой же "урок" за холопа 5 гривен, а за робу 6 гривен назначала ст. 106.

14. А за кормилця²³ 12, тако же и за корми(ли)цю, хотя си буди холопъ, хотя си роба. <...>

¹⁹ Тиун – княжеский или боярский приказчик, управитель; тиун огнищный и домоправитель (от огнище – очаг, дом); тиун конюший – княжеский муж, управлявший табунами и конюшнями князя.

²⁰ Рядович (от ряд – договор) – человек, отдавшийся в кабалу по договору с феодалом.

²¹ Смердий холоп – выполняющий в отличие от ремесленников или лиц, служивших феодалу тиунами или кормильцами (см. ст. 14), простую работу, подобно общинникам-смердам.

²² Роба – женщина-служанка, находившаяся в том же положении, что и мужчина-холоп.

²³ Кормилец – дядька-воспитатель.

Перевод. А за кормильца и кормилицу платить по 12 гривен, хотя тот холоп и та роба.

Статьи 9 – 14 ярко характеризуют уже сложившееся ко времени Ярослава Мудрого (первая половина XI в.) феодальное хозяйство князей и бояр с его управителями, старостами, зависимыми людьми, работающими на феодала.

<...>

17. Искавше ли послуха не налезуть, а истья²⁴ начнет головою клепати²⁵, то имъ правду железо²⁶. Тако же и во всех тяжахъ, в татбе²⁷ и в поклепе; оже ли не будетъ лица²⁸, то тогда дати ему железо из неволи до полугривны золота; аже ли мне то на воду, оли то до дву гривень; аже мене, то роте ему ити по свое куны.

Перевод. Если ответчика обвиняют в убийстве, а свидетелей тяжущиеся не найдут, то подвергнуть их испытанию (раскаленным) железом. Так поступать и во всех тяжбах, в воровстве (или в другом) обвинении; если (обвинитель) не предъявит поличного, а сумма иска составляет до полугривны золотом, то подвергнуть его испытанию железом в неволю; если же сумма иска меньше, до двух гривен (серебра), то подвергнуть его испытанию водой; если же иск еще меньше, то пусть он для получения своих денег принесет клятву.

Славяне (русины) знали также и такую форму "божьего суда", как состязание мечами: кто одержит верх над своим противником, в пользу того решается спор.

В классовом обществе "божьи суды" представляли собой форму княжеского суда: в Киевском государстве они производились в присутствии княжеских судий, взимавших в пользу князя особую судебную пошлину – "же-

²⁴ Истец – в древних законах так называли и истца (обвинителя) и ответчика; в данной статье истец как раз ответчик.

²⁵ Головою клепати – обвинять в убийстве; поклеп – обвинение по подозрению.

²⁶ Железо, вода – так называемые "ордалии", "божьи суды", к которым прибегали при отсутствии явных доказательств в пользу обоих тяжущихся, и, по представлениям людей того времени, их должен был рассудить бог.

²⁷ Татьба — воровство, тать – вор.

²⁸ Лицо – поличное.

лезное", в XV – XVI вв. – боярина и дьяка, взимавших с тяжущихся "полевые пошлины".

<...>

"Уставъ Володимерь Всеволодича"

48. Володимерь Всеволодичь, по Святополце, созва дружину свою на Берестовемь²⁹: Ратибора Киевского тысячьского, Прокопью Белгородского тысячьского, Станислава Переяславльского тысячьского³⁰, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа, и уставили до третьего реза, оже емлеть в треть куны; аже кто возьметь два реза, то то ему исто; паки ли возьметь три резы, то иста³¹ ему не взяти.

Перевод. (Князь) Владимир Всеволодович (Мономах) после смерти (князя) Святополка созвал дружину свою в Берестове: Ратибора Киевского тысяцкогo, Прокопья Белгородского тысяцкогo, Станислава Переяславского тысяцкогo, Нажира, Мирослава, Ивана Чюдиновича боярина (мужа) Олгова (князя черниговского Олега Святославича), и постановили – брать проценты только до третьего платежа, если заимодавец берет деньги "в треть"; если кто возьмет с должника два (третних) реза, то может взыскать и основную сумму долга; а кто возьмет три реза, тот не должен требовать возвращения основной суммы долга.

Таким образом, если ростовщик дал займы 10 гривен, то один "третний рез" равен 5 гривнам. Взяв с должника "два реза" – 10 гривен, кредитор имел право взыскать и основную сумму долга – 10 гривен. Взыскав с должника "три реза" (5 + 5 + 5), ростовщик терял право на взыскание основной суммы долга.

²⁹ Берестово – княжеское село под Киевом (известно с X в.), летняя резиденция и усыпальница киевских князей (см.: ПСРЛ. Т. 1. С. 80, 130, 155, 182, 231, 232).

³⁰ Тысячьский (тысяцкий) – княжеский воевода, предводитель городского ополчения ("тысящи"), ведавший в мирное время делами городского управления.

³¹ Исто – основная сумма долга ростовщику.

49. Аже кто емлеть по 10 кунъ от лета³² на гривну, то того не отметати. <...>

Перевод. Если же (ростовщик) взимает (с должника) по 10 кун за год с гривны, то это не запрещается.

Считая в гривне 50 кун = 20 % годовых.

Такие проценты разрешалось брать (в отличие от "третних") без ограничения срока. К постановлениям Владимира Мономаха и его бояр о резах относятся ст. 47 – 49, отменявшие правило ст. 46, которая отдавала должника в полную волю ростовщика (как договорились, так и плати). Однако законы Мономаха лишь регулировали размеры и процедуру взыскания процентов, основываясь на обычной практике взыскания весьма высоких процентов.

<...>

Аже закупъ бежит

52. Аже закупъ³³ бежить от господы, то обель³⁴; вдеть ли искать кунъ, а явлено ходить, или ко князю или к судиям бежить обиды дея своего господина, то про то не робятъ³⁵ его, но дати ему правду³⁶. <...>

Перевод. Если закуп убежит от господина (не расплатившись с ним за ссуду), то становится полным холопом; если же он пойдет искать денег с разрешения господина или побежит к князю и его судьям с жалобой на обиду со стороны своего господина, то за это его нельзя делать холопом, но следует дать ему суд.

По церковному закону "Правосудие митрополичье", "закупный наймит", не пожелавший оставаться у господина и обратившийся в суд, мог получить свободу, возвратив феодалу "въдвое задаток", что было равносильно на практике полной невозможности порвать с господином, так как тот определял и размеры своего "задатка" закупу (см.: Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. М., 1976. С. 210).

<...>

³² Лето – год.

³³ Закуп – смерд, находящийся в феодальной зависимости от господина за ссуду.

³⁴ Обель – полный холоп.

³⁵ Робят – превращают в холопа.

³⁶ Дати правду – дать суд.

О закупе

57. Аже закупъ выведеть³⁷ что, то господинъ в нем³⁸; но оже кде и налезуть, то преди заплатитъ господинъ его конь или что будетъ ино взяль, ему холопъ обелный; и паки ли господинъ не хотети пачнетъ платити за нь, а продасть и, отдасть же преди или за конь, или за воль или за товаръ, что будетъ чюжего взяль, а прокъ ему самому взяти себе. <...>

Перевод. Если закуп украдет что-либо, господин может поступить с ним по своей воле: либо, после того как закупа поймают, заплатит (потерпевшему) за коня, или иное (имущество), украденное закупом, и превращает его в своего холопа; либо, если господин не захочет расплачиваться за закупа, то пусть продаст его, и отдав сначала потерпевшему за украденного коня или вола или за товар, остаток берет себе.

В любом случае закуп становился холопом, так же как при побеге от господина (см. ст. 52).

<...>

О послушестве

59. А послушства на холопа не складають, но оже не будетъ свободного, то по нужи сложите на боярьска тивуна, а на инех не складывати. А в мале тяже³⁹ по нужи⁴⁰ възложити на закупа. <...>

Перевод. О свидетельстве (на суде). Холоп не может быть свидетелем на суде, но если не будет свободного (свидетеля), то в крайнем случае можно положиться на свидетельство боярского тиуна, но не других (холопов). А в малых тяжбах, по нужде (при отсутствии свободных свидетелей) свидетелем может быть закуп.

Речь идет о сельском или ратайном тиунах бояр и князей, поступивших к ним в холопы "без ряду" (ст. 104), жизнь которых оценивалась в 12 гривен (ст. 11). Свидетельство тиунов принималось во внимание лишь при отсутствии свободных свидетелей, потому что они занимали в хозяйстве бояр более высокое положение, чем рядовые холопы.

<...>

³⁷ Выведеть – украдет.

³⁸ Господин в нем – может поступить с закупом-вором по своей воле.

³⁹ Тяжа – тяжба.

⁴⁰ По нужи – по нужде.

65. Аже межю⁴¹ перетнеть бортьную, или ролеиную разореть, или дворную тыномь⁴² перегородить межю, то 12 гривенъ продажи. <...>

Перевод. Если кто испортит бортьную, или перепишет пахотную, или перегородит тыном дворную между, должен заплатить 12 гривен продажи (князю).

<...>

69. Аже пчелы выдереть, то 3 гривны продаже, а за мед, аже будеть пчелы не лажены⁴³, то 10 кунъ; будеть ли олекъ⁴⁴, то 5 кунъ. <...>

Перевод. Если кто вытащит (похитит) пчел (из улья), должен заплатить 3 гривны продажи (князю), а за мед (владельцу улья), если (при воровстве) все соты были целы, – 10 кун, а если взят только олек, то 5 кун.

Бортьные ужожаи в лесах или пасеки с ульями принадлежали князьям и другим феодалам в числе наиболее ценных угодий. Воск и мед были одними из самых дорогих товаров, вывозимых из Руси.

<...>

О смерде

71. Аже смердъ мучить смерда без княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку⁴⁵ гривна кунъ.

Перевод. Если смерд подвергнет муке смерда без княжеского суда, то заплатит 3 гривны продажи (князю) и потерпевшему за муку гривну денег.

72. Аже огнищанина мучить, то 12 гривенъ продаже, а за муку гривна. <...>

Перевод. За истязание же огнищанина платить 12 гривен продажи и гривну (потерпевшему) за муку.

Равная плата "за муку" смерду и огнищанину (княжескому слуге) назначена потому, что имеется в виду слуга-холоп, за убийство которого взималось 12 гривен (ст. 11), в то время как за убийство тиуна огнищного или конюшего взимали двойную виру – 80 гривен (ст. 10).

<...>

⁴¹ Межа – граница владений, полоса между участками пахотной земли.

⁴² Тын – забор, изгородь.

⁴³ Не лажены – улей с сотами и пчелами цел.

⁴⁴ Олек – самая голова улья, или почин сотов.

⁴⁵ Мука – пытка, истязание, избиение.

О гумне

79. Аже зажгуть гумно, то на потокъ, на грабежь домъ его, переди пагубу⁴⁶ исплатившю, а въ проце князю поточити и; так же, аже кто дворъ зажъжетъ.

Перевод. Если сожгут гумно, то дом виновного отдать на поток и на грабеж, взыскав сначала убытки, а за остаток (невзысканного) князю заточить его; так поступать и с теми, кто двор подожжет.

80. А кто пакощами⁴⁷ конь порежетъ или скотину, продаже 12 гривенъ, а пагубу господину урокъ гшатити. <...>

Перевод. А кто преднамеренно порежет коня или (другую) скотину, заплатит 12 гривен продажи и возместит убытки господину (владельцу) погубленного.

Преднамеренность и характер действий (поджог гумна, двора, уничтожение скота) раскрывают их социальную подоплеку – протест против усилившегося феодального гнета.

<...>

Аже умереть смердь

85. Аже смердь умереть, то задницу⁴⁸ князю; аже будутъ дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будутъ за мужем, то не даяти части им.

Перевод. Бели смерд умрет (не оставив сыновей), то задница идет князю; если после него останутся незамужние дочери, то выделить (часть имущества) им; если же дочери замужние, то им не давать части наследства.

О заднице боарьстеи и о дружънеи

86. Аже в боярехъ любо в дружине, то за князя задница не идетъ, но оже не будетъ сыновъ, а дщери возмутъ. <...>

Перевод. Если умрет боярин или дружинник, то их имущество не идет князю, но если у них не будет сыновей, то наследство получают их дочери.

Владельческие права смерда (и даже в известной степени закупа) ограждались законом в интересах всего класса феодалов и князя как носителя публичной власти.

<...>

⁴⁶ Пагуба – гибель, убыток.

⁴⁷ Пакощами – здесь: с умыслом, преднамеренно.

⁴⁸ Задница – наследство, имущество, оставшееся после смерти человека.

О холопстве

102. Холопство обелное трое: оже кто хотя купить до полу гривны, а послухи поставить, а ногату дать перед самемъ холопомъ.

Перевод. Холопство обельное троякого вида: если кто купит (поступающего в холопы) до полгривны в присутствии свидетелей (сделки) и ногату (княжескому судье) заплатит перед самим холопом.

103. А второе холопство: поиметь робу без ряду, поиметь ли с рядомъ, то како ся будетъ рядиль, на том же стоить.

Перевод. А второе холопство: кто женится на рабе без договора (с ее владельцем), а если с договором (рядом), то как договорились, так и будет.

104. А се третье холопство: тивунство без ряду или привяжете ключь⁴⁹ к собе без ряду, с рядомъ ли, то како ся будетъ рядиль, на том же стоить.

Перевод. А вот третье холопство: кто поступит в тиуны или в ключники (господина) без договора с ним, если же с договором, на том и стоять.

105. А въ даче⁵⁰ не хологгъ, ни по хлебе роботять, ни по придатьце, но оже не доходятъ года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виновать есть.

Перевод. А за ссуду хлебом с любым придатком человек не становится холопом, но если он не отработает долга (в течение условленного срока), то обязан возратить полученное; если же отработает, то ничем больше не обязан.

Здесь речь идет о работе на заимодавца-феодала в течение обусловленного срока, которая как бы заменяла проценты по денежному долгу.

Статьи 102 – 104 о холопах в отличие от ст. 52 и 57, где говорится о нагольной продаже в холопы беглого закупа или закупа-вора, перечисляют законные основания и процедуру "добровольного" поступления в холопы разорившихся смердов или горожан, толкаемых на этот шаг крайней нуждой, угрозой голодной смерти человека и его семьи. Русская Правда назначала цену "за холопа 5 гривен, а за робу 6 гривен" (ст. 13, 106). Цена же раба-пленного, считавшегося на Руси, как и в других странах в ту эпоху, военной добычей, законом не регламентировалась, а устанавливалась по соглашению продавца и покупателя. Рабов-пленных не только продавали,

⁴⁹ Привяжет ключ – поступит в слуги (ключники).

⁵⁰ Дача – здесь: ссуда хлебом, семенами, инвентарем или скотом вместе с придатком составляла милость.

но и дарили. В 955 г. князь Игорь, "утвердив мир с греки", отпустил византийских послов и одарил их "скорою и челядью и воском".

Виновный в убийстве чужого холопа не нес уголовной ответственности, а возмещал господину его стоимость (5 гривен за рядового, 12 гривен за ремесленного и т. д.). Убийство господином собственного холопа не считалось преступлением. В то же время пути, которыми человек попадал в рабство, особенно случаи самопродажи разорившегося человека, способы эксплуатации отличают холопов от патриархальных рабов – "челядинов" – прежнего времени, массу которых составляли военнопленные ("ополонишася челядью"), и отражают более высокую степень имущественного и социального неравенства. Теперь холоп не чужеземец, а "свой", славянский общинник, горожанин или сельчанин, вынужденный материальными обстоятельствами идти в кабалу к богатому феодалу или купцу, чтобы спасти себя и свою семью от гибели. Жестокая эксплуатация, бесправное положение были причиной побегов холопов от своих господ.

Печатается в сокращении по кн. М.Н. Тихомирова «Пособие по изучению Русской Правды» (М., 1953. С. 87 – 112

РУССКИЕ ЗЕМЛИ И КНЯЖЕСТВА В НАЧАЛЕ XII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII вв. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ

Княжеские усобицы, нашествия половцев

В лето 1093. < ... > Пришел Святополк⁵¹ в Киев, и вышли ему на встречу киевляне с поклоном и приняли его с радостью. < ... > В это время пошли половцы на Русскую землю. Узнав о смерти Всеволода, послали послов к Святополку (для переговоров) о мире. Святополк же, не посоветовавшись с большой дружиной отца и дяди своего, а только со своей дружиной, пришедшей с ним (из Турова), схватил послов и посадил их в избу. Узнав об этом, половцы начали войну, и пришли во множестве, и осадили

⁵¹ Святополк – князь Туровский.

город Торческ. Святополк же отпустил послов половецких, желая мира с ними, но не захотели половцы мира и наступали войной. Святополк же начал собирать воев против половцев. И сказали ему мужи разумные: "Не покушайся против них, потому что мало имеешь воинов". Он же сказал: "Имею отроков (дружинников) своих 700, которые могут стать против половцев". Другие же, неразумные, говорили: "Пойди, княже". Разумные же ему говорили: "Хотя бы ты собрал и 8000 воинов, не достало бы их. Наша земля оскудела от войн и насилий. Пошли к брату своему Владимиру⁵², чтобы он тебе помог". Святополк же послушал их, послал к Владимиру, чтобы помог ему. Владимир же собрал воинов своих и послал за Ростиславом, братом своим, в Переяславль, веля ему помогать Святополку. Когда пришел Владимир в Киев, собрались князья в церкви св. Михаила и, уладив между собою распри и споры, целовали крест между собою. А половцы (в это время) разорали землю войной. И сказали князьям мужи разумные: "Зачем вы распри имеете между собою, а поганые губят землю Русскую, после все уладите, а теперь идите против поганых или с миром, или с войной". Владимир хотел мира (с половцами), Святополк же хотел войны. И пошли Святополк и Ростислав к Триполью и пришли к (реке) Стугне < ... > и собрали дружины свои на совет. < ... > И сказал Владимир, что, стоя здесь, не переходя реку и угрожая половцам, мы можем заключить мир с ними. И поддержали его совет разумные мужи, Ян (Вышатич) и прочие. Киевляне же не послушали этого совета, но сказали: "Хотим биться (с половцами), перейдем на ту сторону реки" < ... > и перешли Стугну реку, которая тогда сильно разлилась. Святополк же и Владимир и Ростислав, построив полки свои, пошли и шли на правой стороне Святополк, на левой Владимир, посредине же Ростислав и, миновав Триполье, перешли через вал. А половцы вышли навстречу... и, придя к валу, поставили стяги (знамена) свои и ударили сперва на Святополка и разгромили полк его < ... > потом напали на Владимира, и была битва лютая, и побежали Владимир с Ростиславом и воины их. < ... > Половцы же после победы пустились по земле, воюя, а другие вернулись к Торческу. < ... > Святополк же пришел в Киев сам-третей < ... > опустели села наши и города наши, потому что бегаем мы от врагов наших. < ... > Земля замучена, одних ведут в плен, другие убиваемы бывают, горькую смерть приемля, другие трепещут, глядя на

⁵² Владимир – будущий Мономах, в это время княжил в Чернигове.

убиваемых, другие умирают от голода и жажды < ... > города все опустели, села опустели; перейдем поля, где пасли стада коней, овец и волов, все пусто ныне: видим нивы заросшие, которые стали жилищем зверей. < ... >

Печатается в сокращении по полному собранию русских летописей (Т. 1. – Л., 1926. – Стб. 215 – 225).

"Каждый держит отчину свою..." (1097 г.)

В лето 1097. Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег и собрались в Любече для устройства мира. И обращались к себе, говоря: "Зачем губим Русскую землю, сами на себя вражду воздвигая, а половцы землю нашу терзают на части и радуются, что между нами войны и донныне. С этого времени соединимся в одно сердце и будем охранять Русские земли.

Пусть каждый держит отчину свою <...>" и на этом целовали крест: "если кто пойдет на кого, то на того будем все <...> " и принеся клятву, разошлись восвояси. <...>

Печатается в сокращении по полному собранию русских летописей (Т. 1. – Л., 1926. – Стб. 256 – 257).

Восстание в Новгороде (1136 – 1137 гг.)

В 1136 г. новгородцы призвали псковичей и ладожан и задумали изгнать князя своего Всеволода (Мстиславича); посадили его в епископский двор с женой, детьми и тещей, месяца мая 28, и стража с оружием сторожила его день и ночь, 30 мужей ежедневно. Сидел он два месяца, и отпустили его из города июля 15, а приняли его сына Владимира. А вот в чем обвиняли его: 1) не бережет смердов, 2) зачем захотел сесть в Переяславле⁵³, 3) бежал с поля битвы впереди всех; а из-за того много убитых... В лето 1137, в начале года, 7 марта... бежал Константин посадник к Всеволоду, и несколько иных добрых мужей, и дали посадничать в Новгороде Якуну

⁵³ Сесть в Переяславле – в 1132 г. Всеволод бросил Новгород и ушел в Переяславль, откуда был изгнан князем Юрием Долгоруким и вскоре вернулся в Новгород.

Мирославичу. В то же лето пришел князь Всеволод Мстиславич в Псков, желая сесть опять на столе своем в Новгороде, позванный тайно новгородскими и псковскими мужами, его сторонниками: "Иди, князь, тебя опять хотят". И как услышано было, что Всеволод в Пскове с братом Святополком, и великий мятеж был в Новгороде, и побежали и другие к Всеволоду в Псков, и взяли на разграбление дома их, Константина, Нежаты и многих иных, да еще и то искали, кто сторонник Всеволода из бояр, с тех взяли по полторы тысячи гривен, и дали купцам снаряжаться на войну; брали и не с виновных...

Печатается в сокращении по Новгородской первой летописи. (М. – Л., 1950. – С. 24 – 25).

Первое известие о Москве (1147 г.)

В 1147 году. Пошел Юрий⁵⁴ воевать Новгородскую волость и, придя, взял Новый Торг и всю Мсту. А к Святославу⁵⁵ послал Юрий, повелел ему воевать Смоленскую волость. И Святослав пошел и захватил голядь⁵⁶

вверх по Протве; и дружина Святослава набрала там пленных. И прислал к нему Юрий со словами: "Приди ко мне, брат, в Москву". Святослав поехал к нему с сыном своим Олегом

А Олег поехал вперед к Юрию и подарил ему барса. Вслед за ним приехал его отец Святослав, и они сердечно встретились с поцелуями в пятницу, в день похвалы святой Богородицы, и были веселы. На другой день повелел Юрий устроить большой пир (обед силен) и оказал князьям великую честь; и дал Святославу, в знак любви, мно-

⁵⁴ Юрий Долгорукий – основатель династии владимиристо-суздальских князей. Правил в 1125 – 1157 гг.

⁵⁵ Черниговский князь Святослав Олегович.

⁵⁶ Голядь – литовское племя, обитавшее на реке Протве.

го даров, и одарил сына его Олега, и Владимира Святославича, и Святославовых мужей, и так отпустил их. <...>

Печатается в сокращении по полному собранию русских летописей (Т. 1. – Л., 1926. – Стб. 339 – 340).

Слово о полку Игореве (конец XII в.)

Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами ратных повестей о походе Игоревом, Игоря Святославича? Начаться же этой песне по былям нашего времени, а не по обычаю Боянову.

Ведь Боян вещий, если кому хотел песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками, ибо помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда напускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигал сокол – та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, зарезавшему Редедю перед полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. А Боян, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал, а они уже сами славу князьям рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который обуздал ум своею доблестью и поострил сердца своего мужеством, преисполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

О Боян, соловей старого времени! Если бы ты полки эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, взлетая умом под облака, свивая славы вокруг нашего времени, возносясь по тропе Трояновой с полей на горы!

Так бы петь песнь Игорю, того внуку: "Не буря соколов занесла через поля широкие – стаи галок несутся к Дону великому". Или так пел бы ты, вещий Боян, внук Велеса: "Кони ржут за Сулой – звенит слава в Киеве!"

Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле, Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй-Тур Всеволод: "Один брат, один свет светлый – ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои готовы, уже оседланы у Курска. А мои куряне бывалые воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья

вскормлены; пути им ведомы, яруги известны, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наточены. Сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю – славы".

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что от него тенью все его войско прикрито. И сказал Игорь дружине своей: "Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; так сядем, братья, на своих борзых коней да посмотрим на синий Дон". Страсть князю ум охватила, и желание изведать Дона великого заслонило ему предзнаменование. "Хочу, – сказал, – копье преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона".

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмой путь преграждало, ночь стенаниями грозными птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див, кличет на вершине дерева, велит прислушаться чужой земле: Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутороканский идол. А половцы непроторенными дорогами устремились к Дону великому: скрипят телеги в полночи, словно лебеди встревоженные.

Игорь к Дону войско ведет. Уже гибели его ожидают птицы по дубравам, волки грозу навывают по яругам, орлы клекотом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые щиты.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

Долго темная ночь длилась. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щекот соловьиный затих, галичий говор проснулся. Русичи широкие поля червлеными щитами перегородили, ища себе чести, а князю – славы.

Спозаранку в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и рассыпались стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты. Покрывалами, и плащами, и одеждами, и всякими нарядами половецкими стали мосты мостить по болотам и топям. Червленный стяг, белое знамя, червленный бунчук, серебряное копьё – храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далекое залетело! Не было оно на обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак ему путь прокладывает к Дону великому.

На другой день раным-рано кровавые зори рассвет возвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дона великого! Тут копьям преломиться, тут саблям иступиться о шеломы половецкие, на реке на Каяле, у Дона великого.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

А вот уже ветры, Стрибожьи внуки, повеяли с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги вещают: "Половцы идут!", – от Дона, и от моря, и со всех сторон обступили они русские полки. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Яр-Тур Всеволод! Стоишь ты всех впереди, осыпаешь воинов стрелами, гремишь по шлемам мечами булатными. Куда, Тур, ни поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, – там лежат головы поганых половцев, расщеплены саблями калеными шлемы аварские от твоей руки, Яр-Тур Всеволод! Какая рана удержит, братья, того, кто забыл о почестях и богатстве, забыл и города Чернигова отцовский золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, любовь и ласку!

Были века Трояна, минули годы Ярослава, были и войны Олеговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом раздоры ковал и стрелы по земле сеял. Вступает он в золотое стремя в городе Тмуторокани, звон же тот слышал давний великий Ярославов сын Всеволод, а Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове. Бориса же Вячеславича жажда славы на смерть привела и на Канине зеленую паполому постлала ему за обиду Олега, храброго и молодого князя. С такой же Каялы и Святополк бережно повез отца своего между венгерскими иноходцами к святой Софии, к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче сеялись и прорастали усобицы, гибло достояние Дажь-Божьих внуков, в княжеских распрях век людской сокращался. Тогда на Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки по-своему говорили, собираясь лететь на поживу.

То было в те рати и в те походы, а о такой рати и не слыхано! С раннего утра и до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят

сабли о шеломы, трещат копыта булатные в поле чужом среди земли Половецкой. Черная земля под копытами косями посеяна, а кровью полита; бедами взошли они на Русской земле!

Что шумит, что звенит в этот час рано перед зорями? Игорь полки заворачивает, жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не хватило, тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево от печали к земле приклонилось.

Вот уже, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Поднялась Обида среди Дажь-Божьих внуков, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеском вспугнула времена обилия. Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: "Это мое, и то мое же". И стали князья про малое "это великое" молвить и сами себе беды ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, избивая птиц, – к морю. А Игорева храброго полка не воскресить! Вслед ему завопила Карна, и Жля помчалась по Русской земле, сея горе людям из огненного рога. Жены русские восплакали, приговаривая: "Уже нам своих милых лад ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни очами не увидать, а золота и серебра и в руках не поддержать!" И застонал, братья, Киев в горе, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль потоками потекла по земле Русской. А князья сами себе невзгоды ковали, а поганые сами в победных набегах на Русскую землю брали дань по белке от двора.

Ведь те два храбрые Святославича, Игорь и Всеволод, непокорством зло пробудили, которое усыпил было отец их, – Святослав грозный великий киевский, – грозою своею, усмирил своими сильными полками и булатными мечами; вступил на землю Половецкую, протоптал холмы и яруги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка из Лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрем вырвал. И повержен Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святослава. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя

Игоря, который погрузил богатство на дно Каялы, реки половецкой – русское золото рассыпал. Тогда Игорь-князь пересел из золотого седла в седло невольничье. Унылы городские стены, и веселие поникло.

А Святослав тревожный сон видел в Киеве на горах. "Этой ночью с вечера одевали меня, – говорил, – черною паполомою на кровати тисовой, черпали мне синее вино с горем смешанное, осыпали меня крупным жемчугом из пустых колчанов поганых и утешали меня. Уже доски без конька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, и из дебри Кисановой понеслись к синему морю".

И сказали бояре князю: "Уже, князь, горе разум нам застилает. Вот ведь слетели два сокола с отцовского золотого престола добыть города Тмуторокани либо испить шелоном Дону. Уже соколам крылья подрезали саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно стало на третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними два молодых месяца тьмою заволклись. На реке на Каяле тьма свет прикрыла; по Русской земле рассыпались половцы, точно выводок гепардов, и великую радость пробудили в хинове. Уже пала хула на хвалу, уже ударило насилие по воле, уже бросился Див на землю. Вот уже готские красные девы запели на берегу синего моря, позванивая русским золотом, поют они о времени Бусовом, лелеют месть за Шарукана. А мы, дружина, уже невеселы".

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкую землю мечами терзать, а себе искать славу. Но не по чести одолели, не по чести кровь поганых пролили. Ваши храбрые сердца из твердого булата скованы и в дерзости закалены. Что же учинили вы моим серебряным седином!

А уже не вижу власти сильного и богатого брата моего Ярослава, с воинами многими, с черниговскими боярами, с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Все они и без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звеня прадедней славой. Но сказали вы: "Помужествуем сами: прежнюю славу сами похитим, а нынешнюю меж собой разделим". Но не диво, братия, старику по-

молодеть! Когда сокол возмужает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот мне беда – княжеская непокорность, вспять времена повернули. Вот у Римова снова кричат под саблями половецкими, а Владимир изранен. Горе и беда сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод! Не помыслишь ли ты прилететь издалека, отцовский золотой престол побережь? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы невольница по ногате, а раб по резане. Ты ведь можешь посуху живыми ше-реширами стрелять, удалыми сынами Глебовыми.

Ты, храбрый Рюрик, и Давыд! Не ваши ли воины злачеными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, словно туры, раненные саблями калеными, в поле чужом? Вступите же, господа, в золотые стремяна за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованном престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю Путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака, суды ряда до Дуная. Страх перед тобой по землям течет, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола в султанов за землями. Стреляй же, господин, в Кончака, поганого половчанина, за землю Русскую, за раны Игоревы, храброго Святославича!

А ты, храбрый Роман, и Мстислав! Храбрые замыслы влекут ваш ум на Подвиг. Высоко летишь ты на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, стремясь птицу в дерзости одолеть. Ведь у ваших воинов железные паворзи под Шлемами латинскими. Потому и дрогнула земля, и многие народы – хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы – копья свои побросали и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города поделили. А Игорева Храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, уже успели на брань.

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича – не худого гнезда шестокрыльци! Не по праву побед расхитили себе владения! Где же ваши зо-

лотые шлемы, и копья польские, и щиты? Загородите Полю ворота своими острыми стрелами, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Вот уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет у тех грозных полочан под кликами поганых. Один только Изяслав, сын Васильков, прозвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, поддержал славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами изрублен. < ... > И сказал: "Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали". Не было тут ни брата Брячислава, ни другого – Всеволода, так он один и изронил жемчужную душу из храброго своего тела через золотое ожерелье. Приуныли голоса, сникло веселье. Трубы трубят городенские.

Ярославовы все внуки и Всеславовы! Не вздымайте более стягов своих, вложите в ножны мечи свои затупившиеся, ибо потеряли уже дедовскую славу. В своих распрях начали вы призывать поганых на землю Русскую, на достояние Всеславова. Из-за усобиц ведь началось насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна бросил Всеслав жребий о девице ему милой. Тот хитростью поднялся... достиг града Киева и коснулся копьем своим золотого престола киевского. А от них бежал, словно лютый зверь в полночь из Белгорода, бесом одержим в ночной мгле; трижды добыл победы: отворил ворота Новгороду, разбил славу Ярославову, скакнул волком на Немигу с Дудуток.

На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не на добро засеяны, засеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до рассвета дорыскивал до Тмуторокани, великому Хорсу волком путь перебежал. Ему в Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хотя и вещая душа была у него в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещий Боян еще давно припевку молвил, смысленый: "Ни хитрому, ни удачливому < ... > суда божьего не избежать!"

О, печалиться Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским; а ныне одни стяги Рюриковы, а другие – Давыдовы, и порознь их хоругви развеваются. Копья поют. < ... >

На Дунае Ярославнин голос слышится, чайкою неведомой она рано кличет. "Полечу, – говорит, – чайкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на горячем его теле".

Ярославна с утра плачет на стене Путивля, причитая: "О ветер, ветрило! Зачем, господин, так сильно веешь? Зачем мечешь хиновские стрелы на своих легких крыльях на воинов моего лады? Разве мало тебе под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?"

Ярославна с утра плачет на стене города Путивля, причитая: "О, Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе лады Святославовы до стана Кобякова. Возлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я спозаранку к нему слез на море".

Ярославна с утра плачет в Путивле на стене, причитая: "Светлое и тресветлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно! Почему же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки расслабило, горем им колчаны заткнуло".

Вспенилось море в полуночи, в тучах движутся вихри. Игорю-князю бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спит и не спит: Игорь мыслию поля мерит от великого Дона до малого Донца. В полночь свистнул Овлур коня за рекой – велит князю разуметь: не быть князю Игорю! Кликнул, стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие. А Игорь-князь горностаем прыгнул в тростники, белым гоголем – на воду, вскочил на борзого коня, соскочил с него босым волком, и помчался к лугу Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, то Овлур волком побежал, отряхивая с себя студеную росу: загнали они своих быстрых коней.

Донец сказал: "Князь Игорь! Разве не мало тебе славы, а Кончаку досады, а Русской земле веселья!" Игорь сказал: "О, Донец! Разве не мало тебе величия, что лелеял ты князя на волнах, расстилал ему зеленую траву на своих серебряных берегах, укрывал его теплыми туманами под сенью зеленого дерева. Стерег ты его гоголем на воде, чайками на струях, чернядями в ветрах". Не такая, говорят, река Стугна: бедна водою, но, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега. Плачется мать Ростиславова по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, а дерево в тоске к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали – по следу Игоря рыщут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не каркали, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет предвещают. Говорит Гзак Кончаку: "Если сокол к гнезду летит – расстреляем соколенка своими злачеными стрелами". Говорит Кончак Гзаку: "Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей". И сказал Гзак Кончаку: "Если опутаем его красной девицей, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы и станут нас птицы бить в поле Половецком".

Сказали Боян и Ходына Святославовы, песнотворцы старого времени Яро-славова: "О, жена когана Олега! Тяжко ведь голове без плеч, горе и телу без головы". Так и Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небе – Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае – вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву к святой Богородице Пирогощей. Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом – молодым петь! Слава Игорю Святославичу, Буй-Тур Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здравы будьте, князья и дружина, выступая за христиан против полков поганых! Князьям слава и дружине!

Аминь.

Печатается в сокращении по изданию «Памятники литературы Древней Руси. XII век» (Пер. О.В. Творогова. – М., 1980. – С. 372 – 387).

Рассказ о преступлении рязанских князей (1218 г.)

В тот же 6726 (1218) год Глеб Владимирович, князь рязанский, подученный сатаной на убийство, задумал дело окаянное, имея помощником брата своего Константина и с ним дьявола, который их и соблазнил, вложив в них это намерение. И сказали они: "Если перебьем их, то захватим всю власть". И не знали окаянные божьего промысла: дает он власть кому хочет, поставляет всевышний царя и князя. Какую кару принял Каин от бога, убив Авеля, брата своего: не проклятие ли и ужас? или ваш сродник окаянный Святополк, убив братьев своих, тем князьям не принес ли венец царствия небесного, а себе вечную муку? Этот же окаянный Глеб ту же воспринял мысль Святополчью и скрыл ее в сердце своем вместе с братом.

Собрались все в прибрежном селе на совет: Изяслав, кир Михаил, Ростислав, Святослав, Глеб, Роман; Ингварь же не смог приехать к ним: не пришел еще час его. Глеб же Владимирович с братом позвали их к себе в свой шатер как бы на честный пир. Они же, не зная его злодейского замысла и обмана, пришли в шатер его – все шестеро князей, каждый со своими боярами и дворянами. Глеб же тот еще до их прихода вооружил своих и братних дворян и множество поганых половцев и спрятал их под пологом около шатра, в котором должен был быть пир, о чем никто не знал, кроме замысливших злодейство князей и их проклятых советников. И когда начали пить и веселиться, то внезапно Глеб с братом и эти проклятые извлекли мечи свои и стали сечь сперва князей, а затем бояр и дворян множество: одних только князей было шестеро, а бояр и дворян множество, со своими дворянами и половцами. Так скончались благочестивые рязанские князья месяца июля, в двадцатый день на святого пророка Илью, и восприняли со своею дружиною венцы царствия небесного от господина бога, предав души свои богу как агнцы непорочные. Так окаянный Глеб и брат его Константин приготовили им царство небесное, а себе со своими советниками – муку вечную.

Печатается в сокращении по изданию «Памятники литературы Древней Руси. XIII век» (Пер. Д.С. Лихачева. – М., 1981. – С. 200 – 203).

Слово о погибели русской земли (30 – 40-е гг. XIII в.)

Слово о погибели русской земли после смерти великого князя Ярослава

О, светло светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местнотчимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская <...>.

Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые тоймичи, и за Дышащее море; от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы – то все с помощью божьею покорено было христианским народом, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы своих малых детей пугали. А литовцы из болот своих на свет не показывались, а венгры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко – за Синим морем. Буртасы, черемисы, вьда и мордва бортничали на великого князя Владимира. А император царьградский Мануил от страха великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьград у него не взял.

И в те дни, – от великого Ярослава, и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя владимирского, – обрушилась беда на христиан. <...>

Печатается в сокращении по изданию «Памятники литературы Древней Руси. XIII век» (Пер. Д.С. Лихачева. – М., 1981. – С. 130 – 131).

Сведения о великих и местных князьях
(из словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона)*

Церковно-уставные грамоты удельных князей XII в.

Кроме церковных уставов св. Владимира и Ярослава I, от XII в. до нас дошло несколько Церковно-уставных грамот, приписываемых удельным князьям XII в. Некоторые из этих грамот несомненно подлинны, другие сохранились в более или менее переделанном виде. К числу первых принадлежат:

1. Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. – о замене десятины в пользу местной епископии определенным городам княжеских жалованьем. Грамота эта свидетельствует об исконном существовании на Руси церковной десятины, оказывавшейся, однако, неудобною в том отношении, что доходы, часть которых она составляла, были не каждый год одинаковы.

2. Уставная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича, данная в 1150 г. новоучрежденной в Смоленске епископии. Она определяет главным образом средства содержания епископии, часть прежняя – десятина от даней княжих (но не от вир и продаж) и пошлины с судов церковных, часть новая – земли населенные и ненаселенные. В единственном дошедшем до нас позднем списке этой грамоты текст крайне испорчен, и притом в самой важной части – там, где исчисляются предметы епископского суда. Видно, однако, что здесь смоленская грамота имеет много общего с постановлениями устава св. Владимира о церковных судах. Две Церковно-уставные грамоты если не прямо подложные, то сильно переделанные позднейшими писцами, приписываются новгородскому князю Всеволоду Мстиславичу (1117 – 1137). Одна из них имеет вид устава, данного Софийскому новгородскому собору о церковных судах. Это довольно не искусная переделка церковного устава Владимира, но в ней есть такие черты, которые с вероятностью могут быть приняты за постановления Всеволода. Таковы постановления о торговых пошлинах в пользу Софийского собора (на площади которого существовало торжище) и о передачи дела по спорам о

* Брокгауз Ф.А., И.А. Ефрон. Энциклопедический словарь. – М., 2002.

наследстве в ведение епископа. Другая уставная грамота дана церкви св. Иоанна Предтечи в Опоках, построенной Всеволодом в 1127 г. По этой грамоте новопостроенная церковь должна быть приходскою церковью особого торгового товарищества, которое по ее имени называлась «купечеством Ивановским». Изложенные постановления могли находиться уже в первоначальном тексте грамоты, но, конечно, Всеволод не мог называть себя «великим князем, самодержавцем, владычествующим над всей русской землей», как он назван в начале грамоты. До нас дошли, без сомнения, не все Церковно-уставные грамоты удельно-вечевого периода; по мере учреждения в удельных княжествах новых епископий, местные князья должны были дать епископам и особые уставные грамоты. Так, летопись от 1158 г. говорит о суздальском князе Андрее Боголюбском, что он, поставив во Владимире на Клязьме соборную церковь Успения Пресвятой Богородице, «дал ей многие имения и слободы и села лучшие с данями, и десятину во всем и в стадах своих, и торг десятый во всем своем княжестве» (См. Суворов Н., Курс церковного права. – Т. 1. – Ярославль, 1889; Павлов А. Курс церковного права. – Сергиев – Посад, 1902).

Муромские князья

Муромские князья появляются со времен Владимира святого. Сын последнего, Глеб (914), княжил в Муроме недолго; после него там сидели великокняжеские наместники, потом посадники от князей Черниговских. В борьбе за Муром с Мстиславом Владимировичем Олег Черниговский поручил город брату своему Ярославу, за которым и утвердились Муромско-Рязанские земли, раздробившиеся при детях его на несколько уделов. После Ярослава сидели в Муроме, с 1130 до 1146 годов сыновья его Юрий, Святослав и Ростислав, затем до 1174 года внук Ярослава – Юрий Владимирович, участвовавший в походе Андрея Боголюбского на болгар 1164 год. Сыновья его Владимир и Давид помогали великому князю владимирскому Всеволоду III в его войнах против болгар и в усмирении князей рязанских. Давид Юрьевич отождествлялся со святым князем Петром, муромским чудотворцем. Сын Давида, Юрий, пал, может быть, при встрече с

Батыем. При Ярославе Юрьевиче, в 1239 году, татары сожгли Муром, этот князь в последний раз упоминается под 1248 году. Юрий Ярославич в 1351 году обновил город. В 1354 году его выгнал из Муroma Федор Глебович, князь неизвестного рода, в том же году жители сопровождали его в Орду, где оба соперника судились перед ордынскими князьями: верх взял Федор, уморивший своего соперника в заточении. В летописях затем упоминаются Муромские князья безыменно в походах великого князя рязанского Олега Ивановича и при его приемнике, но это, вероятно, были князья Муромские только по происхождению, так как Муром еще в 1392 или 1393 году перешел, по ханскому ярлыку, к великому князю московскому Василию Дмитриевичу. В 1408 году мы видим в Муроме уже московских наместников. О причтенных к лику святых Муромских князьях Константине и сыновьях его, Михаиле и Федоре, не упоминаемых ни в летописях, ни в родословных. Мы знаем только из жития их, которое приписывает Константину постройку в Муроме многих церквей и просвещение народа.

Михалко (Михаил Юрьевич)

Великий владими́ро-суздальский князь, сын Юрия Долгорукого. Около 1162 г. удален Андреем Боголюбским из Суздальской земли. Живя, по предположению В. Н. Татищева, в Городце, участвовал в походе Мстислава II против половцев в 1168 г. и в том же году был отправлен с отрядом черных клобуков на Новгород, но был схвачен Ростиславичами и освобожден только в следующем году, когда получил от Андрея Боголюбского город Торческ. В 1170 г. году Михаил Юрьевич снова ходил на половцев, защищая Переяславль. Назначенный братом своим Андреем, по смерти Глеба в Киев, Михаил послал туда своего младшего брата – Всеволода, а сам остался в Торческе; осажденный в этом городе Ростиславичами, заключил с ними мир, доставивший ему Переяславль. Через несколько месяцев вступил с войсками Андрея в Киев. По смерти Андрея сел во Владимире, но, вследствие вражды суздальских городов, уехал в Чернигов; вскоре был призван владимирцами, разбил Ярополка Ростиславовича и занял владимирский стол. Правил всего один год, умер в 1176 г.

Ярополк III

Ярополк III Ростиславич – князь Суздальский, племянник Андрея Боголюбского. В 1172 г. во время борьбы Андрея Боголюбского с Ростиславичами Смоленскими по смерти князя Глеба Юрьевича Ярополк III вместе с дядей Всеволодом Юрьевичем был схвачен в Киеве и отвезен в плен, но потом выпущен на свободу. Позже Ярополк III участвовал в неудачном походе Андрея Боголюбского и его союзников против Ростиславичей (1174). По смерти Андрея Ярополк III был приглашен Суздальской землей на стол княжеский, из-за чего ему пришлось вести борьбу с дядьями – Михаилом и Всеволодом Юрьевичами, которых вызвал "меньшой" г. Владимир, завещание Юрия Долгорукого. Ярополк III одержал верх, после чего был заключен мир с владимирцами. В г. Владимире оставался княжить младший Ростиславич, Ярополк III, а в Ростове — старший Мстислав. Вскоре владимирцы стали негодовать на Ростиславичей, которые приехали в Ростово-Суздальскую землю с дружинниками, набранными на юге, раздали им посаднические должности и позволяли им притеснять народ судебными "взысками" и взятками, взяли из собора Владимирской Богородицы золото и серебро, отобрали от ризницы и присвоили себе все дани, какие назначил для этого храма князь Андрей Боголюбский. Владимирцы призвали Юрьевичей (Всеволода и Михаила). Войско Мстислава Ростиславича, выступившее против них, было разбито. Ярополк III бежал в Рязань к своему брату Глебу Рязанскому (1176), но рязанцы выдали его Всеволоду Юрьевичу, и он был ослеплен вместе с братом Мстиславом. Существует предание, передаваемое новгородской летописью, будто Ярополк III вскоре чудесно прозрел. В 1180 г. Ярополк III принимал участие в походе Святослава Всеволодовича Черниговского против Всеволода Юрьевича Суздальского. В 1178 г. по смерти своего брата Мстислава, Ярополк III был избран в князья новгородцами, но по настоянию Всеволода Юрьевича был изгнан ими. По смерти князя Мстислава Новгородского (1180 г.) новгородцы посадили князем в Торжке Ярополка III . Всеволод, всегдашний враг Ярополка III, подступил к Торжку и осадил его, в то время как новгородцы отправили свои полки к Друцку, на помощь великому князю Святославу Всеволодовичу. Торжок был взят после 5-недельной осады. Ярополк III попал в плен и умер в заточении.

Всеволод-Димитрий Юрьевич

Всеволод-Димитрий Юрьевич, по прозванию Большое Гнездо (т.е. отец многочисленного семейства), сын Юрия Долгорукого, родился в 1154 г. В 1162 г., изгнанный из Суздальской земли вместе со старшим братом Андреем Боголюбским, он с матерью (мачехой Андрея) уехал в Константинополь. В 1169 г. мы видим его в громадной рати Андрея, взявшей приступом Киев 8 марта. Всеволод остался при дяде Глебе, которого Андрей посадил в Киеве. Глеб вскоре умер (1171 г.) и Киев занял Владимир Дорогобужский. Но Андрей отдал его Роману Ростиславичу смоленскому, а потом брату своему Михалку Торческому; последний сам не пошел в разоренный город, а послал туда брата Всеволода. Оскорбленные Ростиславичи ночью вошли в Киев и захватили Всеволода (1173 г.). Вскоре Михалко выменял брата на Владимира Ярославича Галицкого (1174 г.) и вместе с ним ходил, при войсках Андрея, на Киев, для изгнания из него Рюрика Ростиславича. В 1174 г. Андрей был убит, и Суздальская земля избрала в преемники ему старших племянников его Ярополка и Мстислава Ростиславичей, которые пригласили с собой и дядей своих, Михалка и Всеволода. Вскоре начались междоусобия. В 1175 г. Михалко умер, и владимирцы призвали к себе Всеволода, а ростовцы – Мстислава, и опять началось междоусобие. Верх взял Всеволод. По рязанским делам Всеволод пришел в столкновение со Святославом Всеволодовичем черниговским, некогда радушно приютившим его. Святослав вторгся в Суздаль но должен был удалиться в Новгород. В 1182 г. князья примирились, и Всеволод обратился на богатую, торговую Болгарию. Потеря любимого племянника, Изяслава Глебовича, остановила удачно начавшийся поход и парализовала энергию Всеволода; заключив с болгарами мир, он возвратился во Владимир (1183 г.). Через три года он опять посылал на болгар войско, и воеводы его возвратились с добычей и пленниками. Половцы охотно служили

Всеволоду за деньги, но в то же время часто беспокоили своими набегами южные владения его, особенно рязанские уkraine. В 1198 г. Всеволод проник в глубину степей их и заставил их от р. Дона бежать к Черному морю. В 1206 г. сына его Ярослава Всеволод Чермный, князь черниговский, выгнал из южного Переяславля. Великий князь выступил в поход; в Москве к нему присоединился старший сын его Константин с новгородцами, а потом муромские и рязанские князья. Все думали, что пойдут на юг, но обманулись: Всеволоду донесли, что рязанские князья изменяют, дружат с черниговскими. Великий князь, позвав их на пир, приказал схватить их и в цепях отправил во Владимир; Пронск и Рязань были взяты; последняя выдала ему остальных своих князей, с их семействами. Всеволод поставил здесь сначала своих наместников и тиунов, а потом – сына Ярослава. Но против последнего рязанцы возмутились, и Всеволод опять подошел к Рязани с войском. Приказав жителям выйти из города, он сжег Рязань, а рязанцев расселил по Суздальской земле; той же участи подвергся Белгород (1208). Два рязанских князя, Изяслав Владимирович и Михаил Всеволодович, избежавшие плена, мстили Всеволоду опустошением окрестностей Москвы, но сын Всеволода, Юрий, разбил их на голову; те укрепились на берегах р. Пры (или Тепры), но Всеволод вытеснил их и отсюда; затем, при посредстве митрополита Матвея, нарочно приехавшего во Владимир, Всеволод примирился с Ольговичами черниговскими и скрепил этот мир брачным союзом сына своего Юрия с дочерью Всеволода Чермного (1210). Всеволод скончался в 1212 г. Детей он имел только от первого брака с Марией, княжной чешской, которую некоторые известия называют ясыней (из г. Ясс), именно: четырех дочерей и восьмерых сыновей: Константина, Бориса (умер 1188 г.), Юрия, Ярослава, Глеба, Владимира, Ивана и Святослава.

Василько Юрьевич

Василько Юрьевич, князь Поросья, сын Юрия Долгорукого; помогал отцу в его предприятиях на юге, защищал земли от степняков. По смерти отца, 1162, изгнан братом Андреем Боголюбским из Суздаля, ушел в Кон-

стантинополь и получил от императора Мануила 4 города на Дунае. Упоминается с 1149 г.

Василий Всеволодович

Удельный князь Ярославский, старший сын Василия Константиновича I, родился около 1229 г.; скончался в 1249 г. во Владимире, причислен к лику святых. До 1744 г. его мощи находились в Успенской соборной церкви. Но после пожара уцелевшие части хранятся в соборе.

Василий Андреевич

Василий Андреевич (1264 – 1309) – удельный князь Суздальский, потомки которого носили титул великих князей.

Василий Ярославич

Василий Ярославич – Костромской (1272 – 1276) при нем в 1274 г. во Владимире при митрополите Кирилле был поместный собор.

О пагубных последствиях феодальной раздробленности и феодальных усобицах на Руси

Тогда, при Олеге Гориславиче, сеялись и росли усобицы.... Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, деля себе трупы, а галки свою речь говорили, – хотят они полететь на кормлю < ... >.

Борьба князей против поганых (половцев) прекратилась, потому что сказал брат брату: «Это мое и то мое же». И стали князья про малое говорить: «И это великое» – и сами на себя крамолу (заговоры) ковать, а поганные со всех сторон приходили с победами на землю Русскую < ... >.

И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей; тоска разлилась по Русской земле; печаль обильная пошла посреди земли Русской. Князья же сами на себя крамолу ковали, а поганые, сами с победами делая набеги на Русскую землю, брали дань по меху белки с (каждого) двора.

«Слово о полку Игореве» (М., 1961. – С. 21).

О междоусобных войнах на Руси

Ходили мы... с отцом и Изяславом к Чернигову биться с Борисом (Вячеславичем) и победили Бориса и Олега (черниговских князей). Снова пошли мы к Переяславлю и остановились в Оброве, а Всеслав (князь) сжег Смоленск; и я вместе с черниговцами пошел ему во след, сменяя одного коня другим. Но не захватили Всеслава, я опустошил землю (его княжества) и разорил от Лукомля до Логомска; и оттуда пошел воюя на Друцк, а оттуда (вернулся) в Чернигов.... Той же осенью мы ходили с черниговцами и с половцами... к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

«Хрестоматия по истории СССР» (Т. 1. – М., 1949. – С. 82).

Владимирское великое княжество

Владимирское великое княжество в X – XI в. называлось Ростово-Суздальской землей. Андрей Боголюбский, возвысив гор. Владимир, создал из нее В. вел. княжество; Андрей и брат его вел. кн. Всеволод Большое Гнездо стремились подчинить своей власти южную Русь. Юрий Всеволодович после упорной борьбы со старшим братом владел В. княжеством до 1238, когда погиб в битве с Батыем. Ярослав Всевол. назначен вел. князем волею хана, как и следующие вел. князья: Святослав Всеволодович, 1246 – 48, Ми-

Андрей Боголюбский

хаил Ярославич Хоробрит, 1248. Андрей Ярославич, 1248 – 52; Александр Ярославич Невский, 1252 – 63; Ярослав Яросл. Тверской, 1263 – 72; Василий Ярославич Костромской, 1272 – 76; Дмитрий Александрович Переяславский, 1276 – 81; Андрей Александров. Городецкий, 1281 – 83; Дмитрий Алекс, второй раз, 1283 – 94; Андрей Александрович, второй раз, 1294 – 1304; Михаил Яросл. Тверской, 1304 – 19; Юрий Данилович Московский, 1319 – 22; Дмитрий Михайлович Тверской, 1332 – 26; Александр Михайлович Тверской, 1326 – 27; Иван Данилович Калита Московский, 1328 – 41; Симеон Иванович Гордый, 1341 – 53; Иван II Иванович, 1353 – 59; Дмитрий Иванович Донской, 1359 – 89; Василий Дмитриевич, 1389 – 1425; Василий Васильевич Темный, 1425 – 62. Уже при сыновьях Невского князя, получив от хана ярлык на великое княжение, не живут во Владимире, остаются в своих уделах: С XIV в. возвышаются московские князья, и с XV в. Владимирское вел. княжество обращается в Московское.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (Т. VI^а. – Кн. 12. – С. 638 – 640).

Берестяные грамоты*

1. Поклон от Ефрема к брату моему Исихию. Не расспросив, ты разгневался. Меня игумен не пустил, а я отпрашивался. Но он послал меня с Асафом к посаднику за медом. А вернулись мы, когда звонили. Зачем же ты гневаешься? Я ведь всегда твой. Для меня оскорбительно, что ты так плохо сказал: "И кланяюсь тебе, братец мой!" Ты бы хотя бы сказал: "Ты – мой, а я – твой!" (№ 605).

2. Поклонение от попа к Гречине. Напиши мне двух шестикрылых ангелов на две иконки на верх деисуса. И целую (приветствую) тебя. А Бог (не постоит) за наградой, или же уговоримся между собой. (№ 549).

3. От Никиты к Ульянице. Иди за меня замуж. Я тебя хочу, а ты меня. А на то свидетель Игнат Моисеев. (№ 377).

* Янин В.Л. Я послал тебе бересту... – М., 1975. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. – М., 1976.

4. Поклон от Григория к матери. Дай 30 гривен. Войта и сына подвергли пытке после суда о воровстве. (№ 395).

5. Во имя отца и сына и святого духа. Се аз, раб божий Михаль, отходя живота сего, пишу рукописание при своем животе, что ми Кобилькеи 2 рубля ведати < ... > (№ 42).

6. Поклон от Петра к Марье. Покосил есмь пожню, и Озерици у меня сено отъяли. Спиши список с купной грамоты да пришли семо, куды грамота поведе. Дать ми розумно. (Петр просит Марью прислать копию купчей грамоты для подтверждения его прав на сенокосный участок перед местными жителями.) (№ 53).

7. От Бориса ко Ностасии. Како приде ся грамота, тако пришли ми цоловек на жерепце, зане ми здесе дел много. Да пришли сороцицу, сороцице забыле. (Борис просит прислать одного из слуг с жеребцом и сорочку, которую он забыл.) (№ 43).

8. Поклон от Марине к с(ы)ну к моему Григорью. Купи ми зендянцу⁵⁷ добру. А куны яз дала Давыду Прибыше. И ты, чадо, издей при себе да привези, семо.

⁵⁷ Зендянец – хлопчатобумажная ткань из Средней Азии.

Учебное издание

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ РУСИ

В 2 частях

Часть 1

Составитель

ГУЛЯЕВА Валентина Васильевна

Редактор Е.В. Невская

Корректор Е.В. Афанасьева

Компьютерная верстка Е.Г. Радченко

ЛР № 020275. Подписано в печать 23.11.05.

Формат 60x84/16. Бумага для множит. техники. Гарнитура Таймс.

Печать на ризографе. Усл. печ. л. 6,28. Уч.-изд. л. 6,71. Тираж 100 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета.

600000, Владимир, ул. Горького, 87.